

Батальон мужества

АЛЕКСАНДР ★ ТАМОНУКОВ

Тылающие горы

Александр Тамоников

Пылающие горы

«ЭКСМО»

2014

Тамоников А. А.

Пылающие горы / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2014

В акциях террора всегда есть свой стандарт. Предугадываются ходы спецслужб, реакция населения, общая обстановка. На что прежде всего рассчитывает террорист, захвативший заложников? На панику, на психологическое давление, на ответные действия. По этим канонам и провел свою операцию знаменитый боевик Абдель Джабар. По его правилам вынуждены были действовать и власти. Но майор Есипов, уволенный из службы антитеррора по инвалидности, поломал все стандарты страшной игры. Ранее роман выходил под названиями «Открываю личный счет» и «Офицерская доблесть»

© Тамоников А. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Тамоников

Пылающие горы

Часть I

Разведка боем

Глава 1

– Товарищ полковник, товарищ полковник! – Дежурный по отряду специального назначения «Гроза» настойчиво тряс за плечо спавшего Калинина. Тот с трудом оторвался от сна. Да и немудрено, вернулся с совещания в Ростове в 0.20, а сейчас? Полковник, открыв глаза, первым делом бросил взгляд на настольные часы – 3.07. Он рывком сел на солдатской кровати, взглянув мутными, невыспавшимися глазами на старшего лейтенанта Фролова:

– Тебе чего?

– Товарищ полковник, извините... получено странное сообщение по линии районной телефонной связи. Я уж думал, будить вас или нет, но...

Полковник потянулся:

– Теперь это неважно! Что за сообщение? Откуда и кто передал?

Старший лейтенант объяснил:

– Звонил какой-то старик, о себе особо не распространялся. Сказал лишь, что он из Лаха-Юрта и только что, мол, то есть уже минут, наверное, семь назад, он видел, как по окраине аула, вдоль речного канала в сторону дороги на Грозный прошла группа неизвестных вооруженных людей с вещмешками за спинами. Человек десять.

Калинин потянулся к тумбочке, взял пачку «Явы», выбил из нее сигарету, прикурил, с удовольствием затянувшись крепким дымом. Перевел все еще мутный взгляд на дежурного офицера:

– Дальше что?

Тот пожал плечами:

– Это все! Неизвестный положил трубку, а я, подумав, поднялся к вам!

– А ты помнишь, во сколько я приехал?

– Так точно, в полночь!

– А сколько сейчас времени?

Старший лейтенант взглянул на часы:

– Три двенадцать! Я понял вас, товарищ полковник, извините за беспокойство и разрешите идти?

Командир отряда спецназа вздохнул:

– Да чего теперь уж? Ладно! Волков до сих пор не прибыл?

– Нет! Но сегодня разведгруппа должна вернуться. К обеду, думаю, прибудет!

Отдельная разведывательная группа капитана Сергея Волкова, приемного сына Калинина, на несколько дней была придана батальону внутренних войск для усиления в проведении зачистки одного из ущелий Чечни.

Полковник быстро выкурил сигарету, затушив окурки в панцире черепахи, служившем пепельницей. Он поднялся с постели, оделся в спортивный костюм, переспросил:

– Значит, группа неизвестных лиц, количеством около десяти человек, вооруженная, с дополнительным снаряжением, скрытно продвигалась вдоль речного канала мимо аула Лаха-Юрт в сторону дороги на Грозный?

Дежурный ответил:

– Так точно, это следует из информации, полученной от жителя Лаха-Юрта.

Калинин прошел к окну, опустил шторку светомаскировки, включил свет. Посмотрел на подчиненного:

– А этот доброжелатель не объяснил, какого черта сам бродит по аулу в это время и каким образом в безлунную ночь мог разглядеть, что имеют при себе замеченные им неизвестные люди?

Старший лейтенант отрицательно покачал головой:

– Нет, не объяснил!

– Не объяснил! Так! Вызови ко мне майора Есипова. Я буду в кабинете! Да, и попытайся пробить через связистов, откуда мог звонить ночной информатор в Лаха-Юрте! Если получится, конечно!

Дежурный офицер, развернувшись, покинул спальный отсек командира отряда спецназа, который вторую неделю находился на базе отдельного танкового полка в селении Нижние Лакучи.

Передышка, после того, как отряду удалось выловить одного из главных руководителей террористических группировок в Чечне Али Асханова, была недолгой. Офицеры и прапорщики смогли побыть с семьями в закрытом городке недалеко от Москвы чуть более недели. И переброска сюда. Хорошо, что еще сам командир отряда успел устроить кое-какие свои семейные дела: во-первых, женил сына на Марьям, во-вторых, устроил семью снохи в одном из близлежащих поселков, выбив через непосредственного начальника, генерал-лейтенанта Кучерова, отдельный дом для отца, матери и брата Марьям! Не ахти какой, надо признать, дом, но все же крыша над головой. И потом, как говорится, был бы фундамент, а стены поднимем! Ну, и в-третьих, добился того, чтобы собственную супругу Соню взяли на работу в столичный военный госпиталь, а Марьям в школу. С жильем для молодых вопрос оставался открытым, но не все сразу. Поживут пока с Калининскими, да и жить-то им вместе вон как приходится. Неделя дома, месяцы в командировках, а точнее на боевых выходах. Вот и сейчас Сергей где-то в ущельях щупает тропы. К обеду должен вернуться. Но должен – это не обязан. Не срастется что-то у командования, и задержат разведгруппу спецназа, тем более что у самого отряда «Гроза» на данный момент серьезной работы не было. Он стоял в расположении танкового полка на отстое, оборудовав под расположение здание старой школы, которая теперь находилась на территории войсковой части.

Захватив планшет, Калинин прошел в комнату, гордо и необоснованно именуемую кабинетом. Больше для помещения подходило название канцелярии, да и то с трудом. В кабинете, кроме двух старых столов, десятка стульев и обшарпанного кресла с таким же обшарпанным книжным шкафом, ничего не было. Только сейф и строгие шторы придавали комнате более-менее служебный вид. Раньше здесь находилась библиотека, от которой остался один шкаф. Но лучших условий для временного пребывания отряда в полку и не требовалось.

Майор Есипов уже ждал непосредственного начальника. Поднялся при его появлении. Калинин жестом усадил командира первой штурмовой группы на место:

– Сиди, Коля!

Полковник извлек из планшета карту, расстелил ее на столе, объяснив Есипову содержание сообщения, полученного из Лаха-Юрта.

– Таким образом, майор, если верить словам неизвестного лица, мучающегося бессонницей у себя в ауле, вдоль речного канала в сторону трассы на Грозный движется группа вооруженных людей! Кроме того, она несет на себе груз! Информация, понятно, глуховая. Может,

какой обдолбившийся анаши чечен решил мозги нам посношать, и в действительности в том районе никого и нет, но может быть, что доброжелатель сказал правду. Тогда что может означать сие скрытное передвижение неизвестной группы?

Есипов ответил сразу, не раздумывая:

– Если информатор сказал правду, то неизвестные, скорее всего, выдвигаются к трассе, чтобы до рассвета успеть заложить вдоль полотна фугасы! Днем по дороге проходит боевая техника, вот они и решили устроить ловушку.

Полковник присел напротив майора, наклонившись над картой. От места, где неизвестных заметил информатор, до трассы восемь километров, это если идти по руслу канала и в обход селения Мекен. Если же по прямой, то верст семь. В любом случае в данных условиях часа три ходьбы. Нижние Лакучи, где дислоцируется отряд, находятся в десяти километрах от места примыкания к трассе дороги от Мекена. А если же через аул Тахуш, то примерно двадцать. От Тахуша до Мекена одиннадцать километров. Калинин поднял взгляд на подчиненного:

– Вот что, Коля, я не уверен, что неизвестный доброжелатель дал нам достоверную информацию, но проверить ее следует.

Есипов, как школьник на уроке, поднял руку:

– Один вопрос разрешите, Александр Иванович?

– Давай!

– А как информатор вышел на отряд спецназа? Не в милицию позвонил, свою районную, не в штаб полка, а прямо к нам попал?

Калинин ответил:

– Все просто, Коля! Здесь новости распространяются быстро, и прибытие спецназа ни для кого не осталось в тайне, потому как мы и не предпринимали особо никаких маскировочных мер. За войсковыми частями, что дислоцируются в данной местности, а с некоторых пор и за нашим отрядом, безо всякого сомнения, противник наблюдает очень пристально. А мы расположились где? Правильно, в старой школе, и в ней, как это ни странно, остался рабочий телефонный аппарат со знакомым многим местным жителям номером! Так что выйти на нас не составляет ни малейшего труда, было бы желание. А у нашего доброжелателя этого желания, видимо, с избытком. Другой вопрос, какого черта он сам не спит ночью?

Ответ на этот вопрос полковник получил тут же.

В кабинет зашел дежурный и доложил, что, согласно приказу командира, он пробил номер абонента, звонившего в отряд спецназа. Этот номер значился за почтой селения Лаха-Юрт! А звонил, видимо, ночной сторож.

Калинин согласился с выводами дежурного офицера. Полковник по прибытии в этот район объехал территорию ответственности танкового полка. Посетил и названное селение, где почта находилась рядом с магазином. И из ее окон, с тыла, речной канал был виден хорошо.

Отпустив старшего лейтенанта, Калинин повернулся к Есипову:

– Итак, нам звонил, скорее всего, сторож почты! Он и спать не должен, и группу, передвигающуюся вдоль речного канала, мог видеть! Следовательно, вероятность того, что он сообщил правдивые данные, резко возрастает. А с ней и необходимость проверки и, если надо, защиты трассы от вероятных минеров. Согласен?

Майор пожал плечами:

– Мне что? Соглашайся, не соглашайся, толку-то? Мне приказ выполнять, остальное без разницы!

– Тоже верно! Значит, поступаем следующим образом.

Калинин четко и точно поставил задачу командиру первой штурмовой группы:

– Берешь два «бэтэера» с отделениями! Один направляешь к аулу Тахуш, с последующим выдвиганием в сторону примыкания к трассе дороги от Мекена, но остановкой при-

мерно в полутора километрах от перекрестка. Сам на втором бронетранспортере выдвигаешься к кургану Ахау. Высота его 165 м по карте, с него тебе будет видна вся округа. Остаешься с частью отделения на высоте, БТР же направляешь в сторону Халаста. Он также должен пройти километра полтора-два, развернуться и встать! На все эти перемещения у тебя должно уйти не более двух часов, включая подготовительный этап. Как выведешь бронетранспортеры на рубежи ожидания, с кургана смотришь на трассу и подходы к ней от Мекена, используя прибор ночного видения. Перед неизвестной группой у тебя будет фора где-то в час. Боевики, если они, конечно, существуют, могут выйти к шоссе примерно часов в шесть. Так что ты их увидишь. Определишь состав группы и задачу, которую она имеет! Как только бандиты начнут минирование кюветов, вызываешь БТРы. Те должны с ходу ударить по боевикам из крупнокалиберных пулеметов, уничтожив их и тем самым сорвав замысел противника. Тебе ясна задача? Или будут какие вопросы?

Майор, закулив по примеру командира отряда, спросил:

– А если у чехов будут при себе гранатометы?

На что полковник укоризненно покачал головой:

– Коля! Ну тебе ли задавать подобные вопросы? Допустим, будут у неизвестных «мухи» или «громы». Но, во-первых, ты данный факт определишь до применения бронетранспортеров, во-вторых, эффективная дальность стрельбы этих гранатометов не превышает трехсот метров, а КПВТ БТРов смогут открыть огонь с пятисот, что уже выведет гранатометчиков из игры, и, в-третьих, группы, идущие ставить фугасы, как правило, состоят из крестьян, решивших заработать по сотне-другой долларов и наскоро обученных порядку установки зарядов. Профессионалов на подобные задания не посылают. А следовательно, и вооружают лишь в той степени, чтобы они могли в случае необходимости отстреляться от случайного мобильного патруля. Эти группы не предназначены для ведения полноценного боя! Их задача – пришел в нужное место, поставил фугасы – отошел. И в определенное время или по сигналу наводчика щелкнул тумблером дистанционного пульта. Так что, майор, вопрос не по теме!

Есипов затушил окуроч в пепельнице:

– Ладно! Будем считать, что я спросил глупость. Тогда второй вопрос, но умней: сколько времени мне торчать на трассе, если выяснится, что никаких боевиков нет и в помине? А также – что делать, если группа действительно существует, но решит пройти трассу и двигаться дальше?

Калинин бросил карандаш на карту:

– Если боевики не появятся, находишься в заданном районе до прохода первых военных колонн. Если бандиты все же объявятся, но решат пройти дальше, тормознешь их! Но аккуратно, не допустив потерь с нашей стороны.

Командир первой штурмовой группы поднялся, одернул куртку камуфляжа:

– Приказ понял! Разрешите выполнять?

– Выполняй, Коля! И учти, я теперь уже не засну, раз сон перебил, так что давай-ка держи меня в курсе всех своих дел на трассе!

– Есть держать в курсе всех своих дел!

– Иди! Удачи тебе!

– Благодарю!

Майор вышел из кабинета, и вскоре Калинин услышал шум в отсеках первого этажа. Есипов поднимал личный состав отделений своей штурмовой группы. Уже через пятнадцать минут из парка боевых машин танкового полка к воротам центрального КПП части пошли два бронетранспортера отряда спецназа.

А через двадцать минут, в абсолютной южной ночной тишине, нарушаемой лишь цикадами, затих гул их двигателей.

Полковник, чтобы хоть чем-то себя занять, сварил кофе и присел с чашкой дымящегося ароматного напитка за стол перед картой.

Вновь осмотрел район трассы с прилегающей к ней дорогой от Мекена. Задумался, глотая обжигающий рот кофе.

Группа Есипова, как и рассчитывал командир отряда, заняла рубежи ожидания в 5.40.

Сам майор с пятью бойцами устроился на вершине кургана Ахау. Отсюда действительно хорошо просматривалась местность, как в северном, так и в южном направлении по трассе, а также с востока, потому что там открывалась равнина без какой-либо серьезной растительности и балок – вечной проблемы спецназа при охоте за бандитскими стаями. Практически тут же пришел доклад от командира первого отделения, вставшего на дороге за полтора километра со стороны Тахуша, чуть позже аналогичное сообщение пришло и от оператора-наводчика второй боевой машины.

Майор, применяя сильную оптику прибора ночного видения, внимательно осмотрел местность. То же самое сделали и бойцы с бронетранспортеров. Никого на равнине замечено не было. Не подошли еще боевики. Но если они шли сюда, к дороге, то должны появиться с минуты на минуту. Не появились. Ни в шесть часов, ни в семь, ни в восемь, когда на трассе началось автомобильное движение. Пока, правда, его осуществляли редкие легковые и грузовые гражданские машины. Но в половине девятого прошла первая военная колонна. Прошла спокойно, выдерживая режим движения, установленный командованием Северо-Кавказского военного округа. Об этом и доложил Калинин командир штурмовой группы. Калинин принял доклад и приказал отойти на базу.

Видимо, все же сторожу либо померещилось ночью, либо неизвестные залегли в Мекене, либо вооруженными людьми, совершившими ночной марш, являлись бойцы разведывательной группы какой-нибудь армейской части федеральных сил.

На приказ о возвращении Есипов ответил:

– Один БТР я отправляю немедленно, а вот вторым проверю кое-что, чтобы совесть была чиста.

Полковник спросил:

– Что ты имеешь в виду?

– Да кошару одну брошенную, что стоит метрах в трехстах от трассы, прямо напротив меня!

– Что-то подозрительное заметил?

– Нет. Просто подумал, а не успели ли боевики добраться до нее раньше нас?

Калинин резонно отметил:

– Для этого бандитам потребовался бы форсированный марш от Лаха-Юрта.

На что командир штурмовой группы так же резонно спросил:

– А разве они не могли сделать этого?

Полковник согласился:

– Могли! Теоретически! Пробежать без передышки восемь километров. Но для чего? Они и так спокойно успевали выйти к трассе. Зачем им прятаться в кошаре? Для того, чтобы использовать в своих целях следующую ночь? Но бандиты могли день отсидеться в Мекене, к дороге выслав наблюдателя. Для чего им всем рисковать в этой кошаре?

– Александр Иванович, я высказал лишь предположение и предложение проверить объект. Ведь не дай бог, если чехи позже оттуда атакуют какую-нибудь мелкую колонну. С нас же и спросят, за каким хером ранним утром пасли трассу, если пропустили подход к ней бандитов?

Последний довод повлиял на решение Калинина:

– Ладно! Проверь кошару для очистки совести. Но оперативно. На бронетранспортере туда и обратно! Затем домой!

– Что я и планировал сделать! Даже ребят не возьму, все сам и проверю!

– Давай! Жду тебя на базе!

Майор Есипов дождался подхода второй машины, запрыгнул на броню БТРа, в котором оставил лишь механика-водителя и пулеметчика. Нагнулся в люк, отдал распоряжение механику, прапорщику Тронину:

– Шурик! Видишь за трассой прямо по курсу брошенную кошару?

– Вижу!

– Закатывай прямо внутрь.

Обернулся к наводчику:

– А ты, Иван, приготовь на всякий случай свои машинки!

Прапорщик Гвоздев ответил, что пулеметы, и крупнокалиберный 14,7 мм КПВТ, и спаренный с ним 7,62 ПКТ к бою готовы всегда!

Есипов поднял руку вверх и жестом указал на кошару:

– Тогда, ребята, вперед!

Командир диверсионной группы Хасан вел своих людей к цели осторожно. Не сближаясь с населенными пунктами, которых на равнине было много. Пусть и мелких аулов, но много. Он старался придерживаться русла речного канала, берега которого заросли камышом и осокой и могли в случае необходимости надежно скрыть боевиков. Но такой режим был установлен Шамилем до селения Лаха-Юрт. За ним бойцы группы Хасана добрались до брошенной кошары на стареньком «шестьдесят шестом». Из кузова грузового автомобиля, накрытого тентом, они вытащили десять одноразовых гранатометов «муха» и широкий брезент, которым прикрыли открытый вход глиняного сарая, куда и загнали грузовик. В рюкзаках бандиты имели бронежилеты и боеприпасы, а не фугасы, так как минирование трассы не входило в планы диверсантов. У Хасана была другая задача. Уничтожить колонну топливозаправщиков, которая должна проследовать мимо кошары в районе 13–14 часов. Уничтожить, и тут же не вступая в бой с силами сопровождения колонны, задымив местность, начать отход на Мекен. Далее, не доезжая аула, укрыться в подготовленном схроне, в винограднике ближайшего дома. Водителю же «ГАЗ-66» предстояло стать жертвой в этой акции. Молодой чеченец – наркоман, после приличной дозы наркоты должен будет продолжать движение по равнине, уводя возможное и, скорее всего, воздушное преследование противника как можно дальше от Мекена. По замыслу Шамиля, русские не будут устраивать захват грузовика. Они либо с воздуха, либо с земли попросту накроют его огнем! А затем в обгоревших обломках вездехода обнаружат шесть обезображенных трупов. Пять из которых уже аккуратно лежали в передней части кузова. Это были расстрелянные накануне предатели, решившие самовольно уйти из отряда Шамиля. За что и поплатились. Им и предстояло сыграть роль уничтоженных бандитов. Шамиль продумал все! Хасану оставалось лишь в точности выполнить его указание. Водитель опасения не вызывал потому, что после героя, как правило, становился практически невменяемым и был готов выполнить любое приказание того, кто снабжал его наркотой и от которого полностью зависел. Буса поведет машину в равнину, для него игра со смертью будет не чем иным, как захватывающей, будоражащей кровь забавой! Что ж, повеселись напоследок, Буса, принеси пользу общему делу. Все одно жить тебе на игле осталось совсем немного.

Закончив с маскировкой автомобиля, Хасан прошел вдоль глиняного забора заброшенной кошары и каждому из боевиков, исключая водителя, определил задание. После чего доложил о выходе к трассе Шамилю. Тот молча выслушал одного из своих полевых командиров, выразил удовлетворение успешным завершением первого этапа операции и пожелал Хасану удачи. Главарь диверсантов, отключив рацию, вновь обошел позиции подчиненных и с заместителем Абдуллой, имевшим на вооружении ручной пулемет, прошел в небольшое глиняное здание с открытыми окнами по всему периметру, откуда вполне удобно наблюдать и за трассой. Все вокруг затихло, и овчарня со стороны выглядела обычно. Заброшенно, пустынно.

Боевики, выполняя приказ командира, затаились, имея строгий запрет на любое перемещение даже вдоль забора и общение между собой.

Так что ошибался полковник Калинин, утверждая, что группа Есипова при выдвижении к трассе будет иметь фору в час. Ее, эту фору по времени, имели бандиты! И когда майор занимал позицию на вершине кургана, Хасан уже внимательно следил за тем, что делают на высоте неожиданно появившиеся разведчики. Именно так квалифицировал отделение штурмовой группы подчиненный Шамиля. Разведка, ибо на что еще было способно подразделение противника в семь человек на одном бронетранспортере? И он, по сути, был прав.

Спускающийся с кургана бронетранспортер боевики заметили сразу же, доложив о маневрах непонятого поста русских своему главарю. Пользовались бандиты портативными импортными рациями, которые имел каждый член банды. Пивший чай из термоса, Хасан прикинул к окну. БТР выходил на трассу. Что ж, видимо, русским надоело бесполезно торчать на высоте, или они получили какой-то приказ от вышестоящего командования и сейчас уйдут по дороге либо в сторону Халаста, либо в направлении Тахуша, что для полевого командира было безразлично. Он был спокоен. Впрочем, уже через несколько минут от его спокойствия не осталось и следа. Бронетранспортер с офицером на броне пересек дорогу и начал движение к кошаре. Хасан выругался. Какого шайтана русские прутся сюда? Что их заинтересовало в кошаре? А может, они знают о диверсионной группе и решили пойти на ее уничтожение? Но почему такими малыми силами? Или где-то рядом кружат вертолеты огневой поддержки, готовые по первому сигналу с земли обрушить на овчарню град снарядов? Но почему сразу не делают этого?

Пулеметы проклятого «бэтээра» в любую секунду могли открыть шквальный огонь по кошаре, и боевиков от крупнокалиберных пуль не спасут ни глиняный забор, ни бронежилеты. Возможно, гранатометчики и «мухи» применить не успеют!

Хасан принял решение.

Он выкрикнул в рацию:

– Внимание! Руслан, Фикса, приближающийся БТР русских на прицел! При сближении до пятидесяти метров от кошары огонь по нему из гранатометов. Меред! Приготовить заряды дымовой завесы. После подрыва машины выброс дыма. Остальным приготовиться к отходу по ранее оговоренной схеме. Фикса! Займись шестьдесят шестым и водилой!

Подчиненные Хасана подтвердили получение экстренного приказа. Все же это были не крестьяне, за деньги решившие заминировать дорогу, а профессионалы-диверсанты, прошедшие неплохую подготовку в горных лагерях Масхадова. Поэтому и дисциплина в группе на должном уровне, и слаженность действий была отработана.

Одного не учел главарь банды. Вернее, не заметил, и дозоры не доложили, что на кургане остались бойцы этого одиночного отделения. И они также являлись профессионалами, но куда более высокого уровня, чем люди Хасана.

Бронетранспортер приближался.

Майор Есипов, держа автомат наготове, внимательно рассматривал глиняные постройки кошары. И он увидел, как над забором слева и справа поднялись две фигуры. Командир группы даже успел разглядеть телескопические трубы приведенных в полную готовность гранатометов, но что-либо предпринять не смог. Раздались хлопки, а затем взрыв. Два взрыва, слившихся в один, сбросившие тело майора с брони. Есипов почувствовал удар, и далее его тело как бы перестало существовать, в глазах разлилось ярко-красное, накатывающее волнами море, сменившееся черной пустотой и гулким, рвущим перепонки в ушах набатом. Потом вдруг тишина и резкая боль, пронзившая майора от ног до головы, лишившая сознания.

Следивший с сопки за передвижением бронетранспортера капитан Литинский при подрыве БТРа оцепенел, прошептав:

– Я твою маму... Да что же это?

Окрик со стороны привел его в себя. Кричал прапорщик Климов:

– Капитан! В кошаре духи! Командира, Шурика и Ивана сожгли!

Литинский заорал:

– Всем! К бою! Связь с первой машиной!

Связист начал вызывать командира первого отделения старшего лейтенанта Молчуна.

Прапорщик Гоголев, не дожидаясь приказа, открыл огонь по кошаре из пулемета. И тут же перед забором между трассой и овчарней разорвалось несколько маломощных зарядов. Над равниной начал подниматься белый, как молоко, густой дым! Гоголев сплюнул:

– Твою мать! Завесой прикрываются!

И крикнул Литинскому:

– Капитан! Чего делать будем? Чехи свалить собрались. Не можем же мы их выпустить?

Офицер отмахнулся. Ему в это время связист передал радиостанцию:

– Гранит-2! Я – Гранит-1! Срочно ответь!

– Что у вас, Паша?

Старший лейтенант Молчун узнал немного искаженный в эфире голос Литинского. Тот ответил:

– Мандец тут у нас, Игорек! «Бэтээр» с Есиповым возле кошары чехи подожгли.

Командир первого отделения был в курсе того, что майор решил лично проверить глиняные постройки за дорогой, поэтому проговорил:

– Значит, все же были в кошаре духи?

– Были! И сейчас они, задымив местность, скорее всего, собираются начать отход. Ты где со своим «бэтээром» находишься?

– Километрах в пяти от вас!

– Разворачивайся, Игорек, да шустрее! А я тут постараюсь задержать бандитов.

– Сколько боевиков в кошаре?

– А хрен их знает! Но стреляли по Есипову с флангов из двух РПГ-18.

– «Мухи»?

– «Мухи»!

– Ладно! Я тебя понял! Возвращаюсь! Захожу на кошару по равнине от Тахуша!

Литинский поторопил старшего лейтенанта:

– Быстрей, Игорек, быстрей!

Отбросив наушники с микрофоном, капитан приказал остаткам отделения приготовиться совершить бросок к подбитому противником бронетранспортеру. Литинский уже готов был отдать команду «вперед», как его остановил Гоголев:

– Паша! Не торопись! Глянь на овчарню!

Внезапный порыв ветра сдвинул облако дымовой завесы влево, и Литинский увидел сарай, из которого задом сдавал грузовой автомобиль.

Капитан крикнул:

– Уходят, суки! Дед!

– Да тут я, чего орешь?

– Дед! Мы не должны их выпустить из кошары!

– Не выпустим!

Офицер повернулся к прапорщику, который держал в руках дальнобойную снайперскую винтовку «СВДС». Гоголев лег на землю, припав к прикладу:

– Давай, капитан, рви с ребятами к этой кошаре, прямо на завесу, а я задержу грузовичок!

Они у меня из загона не выйдут!

Командир отделения, мгновенно оценив ситуацию, повел четверых бойцов вниз, уходя влево.

Прапорщик дождался момента, когда машина бандитов вывернула из сарая и оказалась левым боком к его позиции. Он навел прицел на кабину. Оптический прицел увеличения позволял хорошо видеть голову водителя. И как только «шестьдесят шестой» тронулся с места, Гоголев нажал на спусковой крючок.

Пуля, выпущенная из мощной винтовки, пробила голову водителя. Кровь вперемешку с мозговым веществом и осколками черепа ударила в лобовое стекло и на шею Хасана, сидевшего на месте старшего машины. В момент выстрела неизвестного вражеского снайпера он нагнулся закрепить автомат на полу кабины. Гибель водителя шокировала Хасана, и он не попытался сразу выровнять машину, которая пошла кругом из-за того, что руки убитого вывернули руль. Для того чтобы прийти в себя, Хасану потребовались секунды. Последние секунды в его жизни, потому как Гоголев, понимая, что рядом с подстреленным водилой обязательно должен находиться старший, перевел винтовку правее и выстрелил. Вторая пуля размозжила череп Хасана. Неуправляемый «шестьдесят шестой» поворачивал за сарай. Перед прапорщиком открылся кузов, в котором находилась основная часть боевиков. Гоголев, не мешкая, выпустил в этот шевелящийся квадрат остальные восемь пуль десятизарядного магазина. Он не слышал ни криков, ни воплей, но знал, что ни один заряд не ушел в пустоту.

Пока прапорщик перезаряжал винтовку, грузовик, сделав полукруг, ударился в глиняную постройку и замер, задымившись. Из кузова выпрыгнули четверо. Одного из них Гоголев успел подстрелить. Прямо на лету, когда бандит, перепрыгнув через борт, находился в воздухе. Он рухнул под задние колеса. Остальные трое скрылись в постройке.

Снайпер перевел ствол винтовки влево, внимательно следя за пространством вокруг здания. Гоголева вызвали на связь. Он ответил:

– Дед слушает!

– Иван! Это Литинский! Мы внутри загона! По нам открыт огонь из постройки напротив. Сколько бандитов внутри?

– Трое!

– Точно?

– Точнее не бывает! Но в кузове машины могут находиться раненые, способные вести огонь, так что осторожнее. Я советую не сближаться с постройкой. Пусть бандюки отстреляются, пока не кончатся боеприпасы!

Литинский спросил:

– А если они через тыловую сторону попытаются вырваться?

– А я на что? Все здание под контролем. Пусть прорываются, патронов у меня на всех с запасом хватит!

– Ясно! Отхожу за забор!

– Правильное решение, капитан! Не рискуй ребятами, и так на ровном месте троих вместе с командиром потеряли! И не волнуйся, я боевиков не выпущу.

– Ты вот что, Дед! Там взводная радиостанция. При подходе Молчуна старлей обязательно вызовет меня. Ты объясни ему, что к чему! Да, у этих троих, скрывшихся в постройке, гранатометов с собой нет?

– Не видел! Но, скорее всего, нет! Не до них бандитам было!

– Ладно! Держи кошару. На тебе сейчас вся работа!

Прапорщик отключил станцию и продолжил наблюдение за глиняным строением, где засели оставшиеся боевики уничтоженной банды. Они прекратили стрельбу, видимо, с отходом спецов потеряв цели. И сейчас наверняка лихорадочно ищут выход из создавшейся ситуации. А выхода у них, сколько ни чеши макушку, нет. Не даст прапорщик Гоголев уйти бандитам.

Радиостанция ротной сети издала сигнал вызова. Не отрываясь от прицела, Гоголев ответил:

- Гранит-1 на связи!
- Кто именно?
- Прапорщик Гоголев, Игорек!
- Дед? А где Литинский?
- Ты, Игорь, вопросов не задавай, а лучше выслушай меня. Все и узнаешь. Просек?
- Говори!

Прапорщик довел до командира второго отделения сложившуюся на данный момент обстановку.

– Вот так, Игорек! Духи никуда не денутся. Надо бы Есипова посмотреть, я пытался разглядеть майора, мне показалось, что он шевельнулся, но это в мареве взрывов могло и показаться.

– Ясно, Дед! Последний вопрос: «мухи» у бандитов есть при себе?

– Однозначно не скажу, меня об этом и Литинский спрашивал. По-моему, нет, а там черт его знает! Но ты не сближайся особо с постройкой. Метров с четырехсот вдарь из КПВТ. Главное, чтобы они из мазанки выскочили, ну на открытом пространстве я их и один завалю!

– Добро! Будь готов, через минуту я обстреливаю постройку!

– Принял!

Отключив связь, прапорщик бросил взгляд вправо. Увидел бронетранспортер Молчуна. Тот стоял примерно метрах в пятистах от кошары. Нормально! Гоголев вновь прижал щеку к прикладу винтовки. Вскоре услышал рокот крупнокалиберного пулемета и увидел, как пули КПВТ насквозь пробивают постройку. Подумал, как бы ребят Литинского с капитаном вместе не задело. Надо предупредить. Но тут из простреленного глиняного здания в разные стороны метнулись три фигуры. Гоголев поймал одну в прицел и выстрелил. Бандит, споткнувшись, рухнул на землю. Есть! Прапорщик перевел внимание влево и зацепил в прицеле вторую фигуру, но та свалилась до его выстрела. Сработали парни Литинского. Значит, пули бронетранспортера Молчуна их не задели. И то добре! Развернул винтовку вправо. До самого БТРа никого. Что за черт? Куда третий подевался? Гоголев вновь осмотрел местность через прицел, переведя его справа налево, сверху вниз. Пусто. Не мог же бандит сквозь землю провалиться?

Вызвал Молчуна:

– Игорек? Дед!

– Слушаю тебя!

– Я третьего потерял!

– Да? И как же это так?

– Хрен его знает! Они ж в разные стороны махнули. Одного приземлил, второго ребята Литинского подстрелили, а вот третий?..

Старший лейтенант прервал прапорщика:

– Не суетись, Дед! Третий аккурат в небольшой канавке лежит. Сняли мы его из пулемета!

– Ясно! Тогда все?

– Все, Дед! Выдвигаемся к первому «бэтээру»! Туда же со связистом двигай и ты!

– Принял! Выполняю!

Капитан Литинский первым добежал до подбитого бронетранспортера, приказав личному составу отделения зачистить территорию кошары. Среди боевиков, особенно в кузове автомобиля, могли остаться раненые.

Одного взгляда на дымящийся БТР хватило, чтобы определить: ни механику-водителю, ни пулеметчику прямые попадания кумулятивных зарядов в боевую машину шансов выжить не оставили. А вот Есипов? Литинский огляделся и увидел майора, лежавшего лицом вниз метрах в десяти от «бэтээра». Бросился к нему. Увидел под ногами пятно впитавшейся в песчаный грунт крови. Но только под ногами. Бронежилет вспорот, сфера на затылке дала трещину, но, скорее всего, бронезащита выдержала удары осколков. По крайней мере, со спины.

Капитан медленно и осторожно начал переворачивать майора и... услышал стон! Да, Есипов издал стон, в этом не было сомнения, значит, он жив. Пока жив. Перевернув командира, приложил к шейной артерии пальцы, пульс пробивался четко. Это уже хорошо. Капитан осмотрел тело спереди. С этой стороны бронежилет не поврежден. Лицо закопчено, но цело. Руки и ноги на месте, только вот... правая нога как-то неестественно завернулась, и штанина имела рваные дыры, обгаренные кровью. Литинский взялся за раненую ногу, но Есипов вскрикнул, на мгновение от боли придя в сознание. Но только на мгновение. Стоило капитану отпустить ногу, как майор вновь затих. Подъехал бронетранспортер второго отделения. От него к майору подошли Молчун с подчиненными. Старший лейтенант спросил только одно:

– Жив?

Литинский утвердительно кивнул головой:

– Жив! Нога изувечена, в остальном вроде нигде не поврежден, но это с первого взгляда, а там хрен его знает, может, где и пробился в тело осколок. Да и контузия тяжелая.

Старлей заметил:

– Немудрено! Две гранаты в броню, на которой он находился. Но хорошо, хоть так. Был бы даже наполовину в люке, кранты. Сгорел бы, как Шурик с Иваном. Эх, твою-то мать! И как мы эту кошару с самого начала не зачистили? Обстреляли бы с дороги – и все дела! Никто бы из наших не пострадал!

Молчун тяжело вздохнул.

Литинский поднялся:

– Есипова своими силами транспортировать нельзя, да и ребят из «бэтээра» надо вытащить. Точнее, то, что от них осталось. Опять-таки необходимо дополнительное оборудование. Короче, вызываю «вертушку». Представляю реакцию Калинина! А что мы могли сделать, раз так получилось? Но все одно. Прокололись мы, мужики! И десяток чехов, что готовили засаду на дороге и которых мы уничтожили, не оправдание! Нет, не оправдание. Ладно! Дед!

Литинский увидел подошедшего прапорщика Гоголева:

– Дед! Ты среди нас самый опытный спец, и в медицине шарить. Помоги майору, чем сможешь! Я связываюсь с Калининым.

Гоголев ничего не ответил. Бросив винтовку и достав индивидуальный пакет первой медицинской помощи с боевой аптечкой, склонился над командиром штурмовой группы. А Литинский вызвал по связи командира отряда. Сообщив о результатах выхода, капитан срочно запросил вертолет. Дабы не терять времени, Калинин не стал вдаваться в подробности акции, повлекшей за собой гибель двух бойцов штурмовой группы и ранение ее командира. Он отключился, занявшись экстренной отправкой к кошаре транспортного вертолета. В настоящий момент здоровье Есипова было важнее всего. И уже через полчаса транспортный борт приземлился на равнине за трассой. Вместе с медиками отделения обеспечения отряда из брюха «вертушки» вышел полковник Калинин. Он был мрачнее тучи.

Пропустив вперед медиков, пошел следом к лежащему у сгоревшего БТРа Есипову, дождавшись осмотра, спросил у начмеда:

– Ну, как он?

– Левая голень раздроблена, рука немного повреждена, но самое неприятное, это тяжелейшая контузия. Жизни прямой угрозы нет, кровь мы остановим, а вот каковы будут последствия контузии, сказать тяжело! Удивительно, как еще Николай жив остался. Тем, что внутри...

Полковник перебил медика:

– Что с теми, внутри, я знаю! Готовьте майора к эвакуации, трупы из БТРа достать и в мешки!

Калинин, тяжело вздохнув, посмотрел на Литинского.

Капитан отвел от командира виноватый взгляд. Полковник положил ему руку на плечо:

– Чего потупился? Ты-то здесь при чем? Это я виноват, что разрешил Есипову проверку кошары. Надо бы, к черту, расстрелять все эти постройки с дистанции из КПВТ!

Капитан спросил:

– А если бы в них мирные люди случайно оказались? Беженцы, переселенцы или просто бездомные, нашедшие в кошаре приют?

– Вот и я, Паша, так же подумал! А получилось, послал ребят на смерть верную! Но... ничего уже не изменишь. Кошару осмотрели?

– Так точно!

Литинский доложил, как развивались события после подрыва бронетранспортера штурмовой группы спецназа. Особо уделил внимание тому обстоятельству, что в кузове бандитского «ГАЗ-66», на котором и прибыли сюда боевики, обнаружены трупы ранее убитых мужчин.

Полковник глянул на капитана:

– Вот как? И о чем это говорит?

И сам ответил на свой же вопрос:

– А говорит это, Паша, о том, что банда имела какую-то задачу на трассе и планировала отход с применением отвлекающего маневра. Водитель-смертник, скорее всего, вывел бы «шестьдесят шестой» на равнину, где его и накрыли бы вертолеты, а сама группа ушла бы к речному каналу, где укрылась бы в камышах. Расчет прост. Разбитый грузовик федералы проверили бы обязательно и, найдя в кузове останки трупов, пришли бы к выводу, что банда уничтожена. А они, целые и невредимые, с наступлением темноты спокойно ушли бы туда, откуда пришли, возможно, используя плавсредства. Но их планы спутал Есипов.

К офицерам подошел старший лейтенант Молчун, доложил:

– Мы к сараю трупы бандюков стащили! Оружие возле забора сложили!

Полковник кивнул головой:

– Хорошо! Значит, поступаем так!

Он обратился к Молчуну:

– Ты, Игорь, с отделением оставайся здесь. Сгоревшую машину накрой брезентом, чтобы не привлекать ненужного внимания с трассы. Мы с Литинским и Есиповым убываем в танковый полк. Оттуда вышлю к тебе тягач для транспортировки подбитого «бэтэера» и машину для трупов боевиков. Сопроводишь их до Нижних Лакучей. Задача ясна?

– Так точно, товарищ полковник.

Калинин повернулся и вместе с Литинским вернулся к медикам, продолжавшим колдовать над телом командира первой штурмовой группы майора Есипова.

Только через сорок минут вертолет «Ми-8» смог подняться в воздух, взяв курс на селение Нижние Лакучи, к месту дислокации танкового полка и скрытого в нем отряда специального назначения.

Глава 2

Очнулся Николай ночью, и первое, что почувствовал, придя в себя, – дикую боль в ноге и голове. Боль, от которой непроизвольно застонал, чуть вновь не провалившись в бездну беспмятства. Находившийся рядом санитар, услышав стон и увидев открывающиеся, полные страдания глаза офицера, метнулся в коридор, крикнув от дверей:

– Товарищ капитан! Товарищ капитан!

Из соседней палаты вышел мужчина в белом халате:

– Ну, чего ты кричишь? Разбудить всех захотел?

– Тут это, майор раненый, пришел в себя. Стонет и зубами скрипит!

Начальник полкового медицинского пункта танковой части прошел к Есипову, взглянул на него, повернулся к рядовому, приказав:

– Сестру сюда! Срочно! С промедолом!

Санитар выбежал из палаты, громяхая по коридору тяжелыми берцами.

Врач нагнулся к Есипову:

– Вы слышите меня, майор?

Николай прошипел:

– Слышу! Боль сними! Сил нет терпеть!

– Сейчас! Немного терпения!

Вошла медсестра с одноразовым шприцем в руке.

Капитан кивнул на раненого:

– Коли, Катя!

Молодая женщина сделала укол, посмотрела на военврача, ожидая дальнейших его распоряжений.

– Приготовь еще обезболивающий укол, боюсь, одного в данном случае будет мало, и следующие препараты...

Медик назвал лекарства, которые, кроме наркотической инъекции, следовало дополнительно дать майору. Сестра выслушала и вышла из палаты. Санитар застыл в дверях, не зная, что теперь ему делать. До этого все было ясно. Сиди возле майора и жди, когда тот проснется после наркоза. А сейчас? Сейчас молодой солдат переминался с ноги на ногу. Капитан медицинской службы, не оборачиваясь, бросил санитару:

– Ну, чего застыл? Неси сюда таз!

– Таз?

– Да, таз! Знаешь, такой круглый, широкий тазик. А лучше два. У нашего пациента, возможно, рвота начнется! Вот и будешь менять тару! Вперед!

Санитар вышел, начальник полкового медпункта посмотрел на Есипова:

– Держитесь, майор, скоро боль отступит!

Командир штурмовой группы прошептал:

– Сильно меня?

– Как сказать? Могло быть гораздо хуже, а так перебита нога и контузия! Синяки и ссадины не в счет!

– Меня оперировали?

– Да, пришлось!

Есипов закрыл глаза:

– Значит, встану не скоро?

– Как кости срастаться будут. В принципе, вы еще молоды, процесс восстановления не должен затянуться, но как минимум месяца на два гипс вам обеспечен!

– Но потом-то все встанет на свои места?

Капитан вздохнул:

– Встать-то оно, конечно, встанет, но, боюсь, служить в спецназе вы уже не сможете!

Майор приоткрыл веки, взглянув в глаза врача:

– Ну, ты еще покаркай! Я должен вернуться в строй! И вообще, где я?

Врач ответил:

– В полковом медицинском пункте, иными словами, в санитарной части танкового полка, я – капитан Алексей Липатов, начальник ПМП.

Боль немного успокоилась, Есипов спросил:

– Ты, что ли, оперировал?

– Я!

– Собрал нормально?

– В смысле?

– В прямом! Все на место поставил? Ничего не забыл?

– Майор?!

– Ладно, шучу я! Ты вот что, Леша, вместо наркоты своей прикажи сестренке спирту принести, граммов двести!

Липатов отрицательно покачал головой:

– Нельзя, майор, наркоз применяли спинно-мозговой, со спиртным во время действия никак не совместимый. Любой наркоз со спиртным несовместим, а этот тем более! Плюс контузия у вас! Так что нельзя!

Есипов отвел взгляд от начальника медпункта:

– Злодей ты, капитан, хуже чехов, клянусь. У человека, можно сказать, от боли крышу сносит, помощь требуется, а ты? Сам, наверное, не дурак по этому делу, а?

– Ну что говорить о пустом, майор? Полежите до утра. Хуже не станет, налью, так и быть!

Есипов прикрыл глаза:

– Вот это другой разговор! Черт, ногу отпустило, а голова раскалывается. Ты сделал бы чего от головной боли?

– Терпи, майор, все, что надо и можно, сделаем. И давай заканчивай разговор, тебе покой требуется! Сон для тебя сейчас – лучшее лекарство!

– Ага! Это точно, вот только как уснуть-то?

– Уснешь!

Он повернулся к медсестре, уже несколько минут ожидавшей с лекарством и шприцем в палате майора.

– Уколи еще нашего боевого пациента!

Сестра выполнила распоряжение начальника.

Постепенно в глазах майора спецназа окружающие предметы утратили четкость, потолок палаты, казалось, вплотную приблизился к его койке, сплющив и капитана – начальника полкового медицинского пункта, и красавицу медсестру в перчатках со шприцем, отчего-то похожим на велосипедный насос, и санитаря-срочника с тазом в руке. Есипов пытался что-то сказать, но вместо этого с его уст начали срываться нечленораздельные звуки, боль, бьющаяся в теле, притупилась и отошла куда-то в пятки. Веки налились тяжестью. И майор провалился в тяжелый наркотический сон.

Капитан, убедившись, что пациент уснул, поднялся с табурета, проговорив:

– А майор молодец! Для своего состояния держится достойно. В его положении другие либо орут, либо теряют сознание, не успев прийти в него. Боль после наркоза действительно адская. А спецназовец молодец!

Сестра спросила:

– И что дальше с ним делать думаешь?

– Ничего! Мы, Катя, большего, чем сделали, сделать не можем. Полежит немного, в Ростов, в окружной госпиталь отправим. Его нейрохирургам смотреть надо. После такой контузии всякое может произойти. И зрение до нуля упасть, и слух, но самое страшное – парализация, вероятность которой при определенных условиях весьма велика. Такие случаи в моей практике, увы, уже были. Хотя все может и обойтись. Но не будем рассуждать, пусть майор спит, идем, Катя!

Солдат-срочник спросил:

– Так я, товарищ капитан, не понял, что мне-то делать?

Капитан ответил:

– У тебя-то отчего в памяти провалы? Я же сказал: сидеть возле больного! Будет рвать, менять тазики!

– А вас звать, если блевать начнет?

– Звать, солдат, звать!

Проснулся Николай в шесть утра. Боль в ноге утихла, а вот голова вновь разболелась.

Майор с трудом повернул ее в сторону умудрившегося уснуть на табурете санитаря.

– Солдат! Эй, пехота?

Очнувшись от сморившей его дремы, санитар красными глазами посмотрел на майора и, придя в себя, затараторил:

– А? Что? Что вы сказали? Вам плохо? Врача позвать?

Есипов остановил парня:

– Не суетись, солдат! Спокойно! Не надо никого звать! Пить хочу! Воды налей!

– А?! Это мы сейчас. Одну минуту.

Он встал, взял со стола графин со стаканом и спросил:

– А вам можно пить?

– Ну, ты чего, пацан, совсем без соображалки? Когда это человеку пить простую воду нельзя было? Наливай!

Но рядовой поставил графин на место:

– А кто знает? Может, и нельзя после наркоза! Я сестру вызову! Разрешит, другое дело. А то еще натворим беды!

Есипов поинтересовался:

– Ты откуда родом?

– А что?

– Ничего! Просто спрашиваю!

– Из-под Владимира!

– Сельский?

– Из деревни!

– Понятно! Глухая, наверно, деревня?

Рядовой отвечал вполне серьезно, не замечая легкой улыбки на лице Есипова:

– Да не то чтобы совсем, но и до города далековато!

– А в санитары как попал?

– Да после учебки!

– Ясно! Ну, иди, консультируйся с медсестрой!

Солдат вышел, Есипов поднял правую руку – нормально. Левая тоже в порядке. Отвел без труда в сторону правую ногу. А вот левая не слушается. Но пальцы майор чувствовал и даже пошевелил ими. Нормалек! Вот только голова. С ней проблема, видимо, серьезная. Но ничего, прорвемся! Как в народе говорят? Голова не ж..., перевяжи и лежи! Будем, значит, лежать до победного конца!

Вошла медсестра, мило улыбнулась с порога:

– Доброе утро, товарищ майор!

– Доброе, Катя!

– Что, не слушается санитар?

– Не слушается, Катя! Видимо, с дисциплиной у вас в санчасти не того!

– Ошибаетесь! Рядовой как раз все делает по инструкции.

Есипов поднял руки, прервав девушку:

– Вот только, Катя, об инструкциях, пожалуйста, ни слова. Меня от них тошнит, как с похмелья!

Сестра спросила:

– А без инструкций не тошнит? Вот сейчас?

– Нет! И нога в порядке, и остальные органы, вот только черепная коробка, кажется, может разорваться на куски, причем в любую секунду!

Катя налила в стакан воды, поднесла ко рту офицера, проговорив:

– Попейте! Потом я вам укол сделаю! Будем бороться с вашей головной болью!

Выпив воду, Есипов намекнул медсестре:

– Ночью капитан, твой начальник, про спирт говорил. Мол, если утром все будет нормально, то нальет!

Девушка внимательно посмотрела на Есипова:

– Вам так необходимо спиртное?

Майор повысил голос:

– Да, необходимо, я же алкоголик, разве по мне не видно? И боль в голове от пьянки вчерашней!

От длинной фразы, вызвавшей напряжение, по вискам словно молотком ударило, Есипов закрыл глаза.

Сестра присела на табурет, положив свою ладонь на руку боевого офицера:

– Извините, товарищ майор, я не хотела вас обидеть.

Николай прошептал:

– Все нормально, не извиняйся! А спирт я прошу потому, что знаю, поможет он. Я не первый раз в переделке. Как-то раз нас духи крепко в горах прижали. В группе почти все ранены были, боевые аптечки использовали быстро, а бой не утихал. Так тогда на спирте да злости и продержались до подхода основных сил. Ясно тебе, Катюша?

– Да! Но поверьте, сейчас вам лучше принимать лекарства. Они более эффективны при контузии в условиях лечебного учреждения.

Есипов вздохнул:

– Эх, Катя, Катя, если бы только голова болела. У меня душа разрывается. Ведь это я принял решение проверить ту проклятую кошару, около которой нас подожгли боевики. Сам на броне остался, оттого и выжил, а ребят, что внутри «бэтэра» оставил, получается, на смерть обрек! Сгорели они, Катя, вместе с машиной!

Девушка тихо произнесла:

– Я знаю подробности вашего боя. И не вините себя. Ведь вы сами случайно живы остались! И шли в бой вместе с подчиненными, а не за их спиной.

– Но я же выжил? А они сгорели!

– Эх, майор! Я недавно здесь, в полку. До этого в полевом госпитале служила. Всякого насмотрелась. Вы в бою пострадали, уничтожив целую банду, а к нам доставляли пацанов, которые на своих же гранатах или минах рвались, по неосторожности. Вот чью смерть ничем оправдать нельзя. А вы – другое дело. Ладно, пойду я, если капитан не будет против, принесу спирта.

Но Есипов неожиданно отказался:

– Не надо! Ты права! Не стоит мне сейчас пить! Обойдемся водой и лекарствами!

– Вот и правильно!

Ближе к обеду в санчасть пришли сослуживцы Есипова, благо бывшая школа, где разместился отряд спецназа, находилась недалеко от полкового медицинского пункта. Пришли почти все офицеры, но начмед разрешил посещение только Калинину, и то лишь потому, что полковник особо и не спрашивал у медика разрешения.

Командир отряда, набросив на плечи белый халат, вошел в палату. Поставил на тумбочку две бутылки кока-колы и положил увесистую связку бананов. И только после этого, присев на табурет, поздоровался:

– Ну, здравствуй, Коля!

– Здравия желаю, Александр Иванович! Вам и всем остальным ребятам отряда. Мне же до здравствия, судя по всему, далеко.

– Ты это настроение брось! Поправишься, раз из огня живым вышел. И за гибель парней не суди себя. В той обстановке, что сложилась у кошары, избежать поражения от боевиков было невозможно. Хорошо еще, что ты не все отделение в «бэтээр» усадил, тем самым как минимум пятерым бойцам жизни сохранил.

Есипов взглянул на полковника:

– Скажи, Александр Иванович, что со мной дальше будет? Комиссуют?

Калинин пожал плечами и отвел взгляд в сторону:

– Если честно, Коля, то в спецназ ты, скорее всего, уже не вернешься! Сам должен понимать. Ну а комиссуют или нет, этого не знаю! Одно скажу, каково бы ни было решение медиков, отряд тебя не оставит. Поможем во всем.

Есипов отвернулся:

– Ясно.

– Ну, ты чего, Коль? Расстроился? Брось! Хотя... я тебя понимаю! Но судьба, она видишь, какая штука? Изменчивая и непредсказуемая. Тем более у нас в спецназе, где сегодня вечером ты можешь спокойно чай с семьей в Подмоскovie пить да телевизор смотреть, а утром за тысячи верст от дома бой в горах с духами принимать, держа в кармане последний патрон или гранату для себя. И в этой кровавой свистопляске, Коля, никто не застрахован ни от смерти, ни от увечья. Ни рядовой, ни генерал.

Калинин привстал, достал из куртки плоскую флягу. Спросил:

– Выпьешь?

Но и на этот раз Есипов отказался:

– Нет, командир, не буду! Если пить, так пить, а уж коли лечиться, так лечиться. Одно из двух!

– Ну, смотри! А я выпью!

Командир отряда опрокинул в себя граммов сто. Занюхал бананом.

– Ну, ладно, Коль, ты лежи! Тебе здесь, как мне объяснили, не больше недели кантоваться. Потом в Ростов перебросят. Будем навещать. Ну а перед транспортировкой проводим, как положено. Далее связь по рации. Выделю тебе трофейную станцию. Знаю, тосковать по отряду будешь. А свяжешься, поговорим, и легче станет. Пойду я, Коль. Служба!

– Спасибо, товарищ полковник!

– Не на чем! Да, тебе весь отряд привет передает с пожеланием скорейшего выздоровления, ну, а лично я, так это и приказываю. А приказ, майор, ты обязан выполнить! Пока, Коль!

– Пока, командир!

Ровно через неделю майора Есипова перебросили в Ростовский окружной военный госпиталь. И началось лечение. С ногой все было ясно, а вот с контузией дело обстояло сложнее. Почти месяц Николай проходил обследование в нейрохирургическом отделении. В итоге была назначена ангиография. Процедура неприятная, связанная с внедрением в мозг специальной

жидкости, но необходимая для точного выявления очагов поражения и определения степени их опасности.

И лежа вечером накануне процедуры, читая газету, Николай вдруг почувствовал, что правая сторона текста исчезла. Он потерял объемное зрение и видел только то, что находилось непосредственно перед ним. Да и этому мешало обильное слезоотделение.

Сосед по палате, летчик-капитан, увидев слезы на глазах спецназовца, спросил удивленно:

– Ты чего это, Николай?

Есипов не понимал своего состояния:

– Не знаю, Вить, что-то со зрением!

– Падает?

– Да нет, не могу объяснить, плывет все, куда смотрю – то вижу, а то, что в стороне, – нет.

Летчик предложил:

– Позвать врача?

– погоди! Может, пройдет!

Майор закрыл глаза. И все вдруг заискрилось, начало переливаться ярким серебристым огнем. Сияние через определенное время сменилось огненными зигзагами, постоянно вибрирующими в правой части. Есипов открыл глаза и увидел палату, но сквозь эти сверкающие зигзаги. Вновь обильно выступили слезы. Пришлось опустить веки. Зигзаги сменились вспышками, которые постепенно затухли, породив одновременно сильнейшую головную боль. Есипов в очередной раз открыл глаза. Блики, зигзаги, вспышки исчезли. И видел он нормально. Четко и объемно. Осталась головная боль.

Капитан-пилот, продолжавший все это время наблюдать за соседом, спросил:

– Ну, что?

– Отпустило вроде! Но что это было?

– Приступ какой-то! Я засек, Коль, с момента, как ты прослезился, до окончания этой непонятки прошло 23 минуты. Отпустило-то совсем?

– Да вроде! Голова только раскалывается! Да еще... еще вроде лицо немеет!

И действительно, началось онемение, сначала носа, потом губ, языка, закончилось кистями рук. При неослабевающей боли. Николай выругался:

– Да что это еще за блядство? Никогда такого не было!

Капитан заметил:

– Все когда-нибудь начинается! Тем более после тяжелой контузии! У тебя, видишь, в приступе проявились последствия. Хорошо, если эти приступы не начнут долбить постоянно.

– Голова раскалывается, Вить! У тебя есть чего?

Капитан-летчик родом был из Ростова. Здесь же жила и его семья, мать, жена и две дочурки-близняшки трех лет каждая. Пилота штурмовика «Су-25» достал «стингер» над Большим Кавказским хребтом. Виктор успел катапультироваться, но получил при этом повреждение позвоночника. Его наши десантники нашли в ущелье и отправили в госпиталь, где он тут же был окружен заботой семьи. В его тумбочке каких только лекарств не было, благо мать заведовала одной из гарнизонных аптек. Порывшись в верхнем ящике, капитан протянул Николаю несколько конвалюток:

– Выбирай любые таблетки! Они все от головной боли!

Но таблетки не помогли. Ноющая боль не реагировала на лекарства, затухнув сама по себе к утру. К утру дня, когда Есипову была назначена ангиография.

С подъема капитан поинтересовался:

– Как чувствуешь себя, майор?

– Да ничего! Сейчас нормально!

– Ты о приступе доктору обязательно скажи! Может, нельзя тебе эту, как ее, графию делать! Был тут случай до тебя, прапора с черепно-мозговой травмой в отделение доставили. И травма-то пустяк, шишак на лбу.

Есипов поинтересовался:

– Травму прапорщик в бою получил?

– Да какой там в бою? Решил, дурила, на турнике «солнышко» покрутить, а ремнями не зафиксировался. Вот и покрутил, руки оторвались от перекладины, и шарахнулся прапор башкой в землю! Но это ерунда, шишка на лбу. Сначала и класть не хотели, а у него вдруг пальцы раздуться начали.

И вновь Николай спросил:

– В смысле?

– В прямом, Коля! Словно их надували воздухом. За сутки кисти в такие кегли превратились, что он пальцы согнуть не мог. Ну, на обследование прапора. А потом как раз на эту самую графию.

Николай поправил летчика:

– Ангиографию!

– Вот, вот, ангиографию! Сделали, короче, эту процедуру, и Васек-прапорок ослеп на хер! Ему трепанацию. А после операции – парализация! Вот так! Забрала его мать! Жена тут же слиняла. Вот такие дела. Ты поосторожней с головой, особо не давай врачам свободы действий, а то так разделают, что все на свете проклянешь, да поздно будет!

– Ну, спасибо, успокоил!

– Да я ж хочу, как лучше.

– За это и благодарю.

Вошла медсестра. Женщина лет сорока. Анна Владимировна. Поздоровалась, пройдя к кровати майора:

– Ну, что, Есипов, надеюсь, вы не завтракали?

Николай ответил:

– А вчера и не ужинал, да и не обедал!

Строгая медсестра сделала замечание:

– А вот это плохо. Принимать пищу следует даже через силу, ну ладно, сейчас санитары доставят каталку, поедем в операционную! Сам начальник отделения будет с вами работать.

Подполковник медицинской службы Эдуард Леонидович Шагов, начальник нейрохирургического отделения, слыл в госпитале специалистом высококвалифицированным, грамотным, имеющим весьма богатый опыт в сфере своей деятельности. Многие жизни он спас. Это было известно Есипову. И то, что обследование будет проводить сам Шагов, приободрило Николая. Но он запомнил и слова капитана-летчика, поэтому сказал медсестре:

– Анна Владимировна, перед тем как отправиться в операционную, я хотел бы переговорить с начальником отделения!

Медсестра ответила:

– Эдуард Леонидович вряд ли сможет прийти сюда. Он в операционной, там и поговорите!

Но майор заявил:

– И все же, уважаемая, я настаиваю на том, чтобы подполковник прибыл в палату!

Анна Владимировна хмыкнула:

– Тяжело с вами, с боевыми. Гонору много. Но... хорошо, я передам ваше требование начальнику отделения. Уж как он среагирует, не знаю, но передам.

Медсестра, резко развернувшись, вышла из палаты.

Майор взглянул на летуна.

Тот показал поднятый вверх большой палец правой руки:

– Правильно, Коль, эта Анна заноза еще та. Заносчивая, куда там! А все потому, что муженек ее в замах у начальника госпиталя обретается. Вот она и задирает нос, хотя сама укол нормально сделать не может. И то, что решил поговорить с Шаговым, тоже правильно. А то сразу в операционную. На хирургическом столе не до разговоров будет.

Начальник отделения на требование майора спецназа среагировал спокойно. Подполковник уважал офицеров, несущих на себе крест войны. Выслушав медсестру, он тут же отправился в палату к Есипову. Вошел, вежливо поздоровавшись:

– Доброго утра всем. Как прошла ночь? У кого какие жалобы? Сегодня осмотр проводить не буду, день, как понимаете, операционный, так что пользуйтесь случаем.

Он оглядел палату, в которой, кроме Есипова и летчика, находился еще и лейтенант-артиллерист. Но тот, готовясь к выписке, все больше время ночью проводил вне отделения. Но утром лежал на койке, как штык. И судя по ароматам, которые он распространял по возвращении, навещал лейтенант женское общежитие, стоящее через дорогу от госпиталя. Тот и ответил:

– Да все вроде нормально! Я, конечно, только за себя могу сказать!

Подполковник кивнул:

– С тобой все ясно. В понедельник – выписка.

– А отпуск?

– Бумаги оформим, а решение будет принимать твой командир, но отпустить обязан.

Лейтенант, заложив за затылок руки, довольно улыбнулся:

– Раз обязан, отпустит.

Начальник отделения взглянул на капитана-летчика:

– У тебя какие дела, Виктор?

– Порядок! Тоже пора на выписку!

– Разбежался. Полежи пока. Или душа в небо рвется?

– И это тоже.

Подполковник вздохнул:

– Успеешь, капитан, налетаешься еще. Войны, боюсь, нам всем надолго хватит.

Он присел на табуретку возле кровати командира штурмовой группы:

– Вы хотели поговорить со мной, майор? Слушаю вас.

Есипов описал военврачу приступ, который случился с ним. Шагов заинтересованно слушал, задавая по ходу уточняющие вопросы. И задумался после того, как Николай замолчал. Ненадолго. Потом ударил себя по коленям:

– Ясно! Теперь мне все ясно, и в дальнейшем обследовании нет никакой необходимости. Но вот только диагноз, Николай Алексеевич, вряд ли вас обрадует. Да!

Майор напрягся:

– Что-то серьезное, подполковник?

– Все, что связано с мозгом или позвоночником, всегда серьезно. Причиной приступа явилось нарушение мозгового кровообращения, связанное с полученной тяжелой контузией. И с этого дня подобные приступы будут постоянно сопровождать вас. Мне это, к сожалению, уже знакомо. Периодичность приступов назвать не могу. У каждого она различна. Они могут тревожить вас и раз в году, и раз в неделю, и ежедневно.

Подавал голос летчик.

– А это, Эдуард Леонидович, болезнь эта излечима?

Майор тоже взглянул на начальника отделения:

– Да, от нее можно избавиться?

Шагов поднялся, прошелся по палате, остановился у кровати Есипова, опершись на ее заднюю дужку:

– Понимаете, Николай Алексеевич, для того чтобы ответить на ваш вопрос, мне надо заглянуть вам под черепную коробку, другими словами – провести трепанацию черепа. Но и это не будет гарантировать, что я смогу определить очаг поражения. И даже определив этот очаг, нет никакой гарантии, что мы устраним причину полученного в результате травмы заболевания. А вмешательство в мозг бесследно не проходит. Никогда!

Николай спросил:

– Так что же делать?

– В этом-то и вопрос, что делать?

Подполковник вновь опустил на табурет:

– Если вы, майор, желаете, я проведу операцию, но при этом предупреждаю, что последствия могут быть любыми. Вплоть до полной парализации. Вам придется давать письменное согласие на проведение данной операции.

– А если не делать операцию?

– На этот вопрос я вам уже ответил: приступы будут сопровождать вас в дальнейшей жизни постоянно.

– Но они могут сами по себе затухнуть? Со временем?

– Теоретически все возможно, практически же... Не знаю! Одно я уже могу сказать определенно, с данным заболеванием вам служить в армии нельзя. Мне придется выводить вас на комиссию, и заключение она даст одно – комиссация. И... инвалидность! И все же, если вам важно мое мнение, в мозг лезть не следует. Это я вам как человек и врач говорю. К сожалению, мы еще не научились воздействовать на мозг таким образом, чтобы не вызвать побочных, иногда весьма негативных последствий. Но решать вам.

Майор закрыл глаза, тихо ответив:

– Чего тут решать? Если меня по-любому комиссуют, то пусть все остается, как есть...

И спросил:

– А если бы я вам ничего о приступе не сказал? И пошел бы на ангиографию? Может, пронесло бы, а?

Подполковник отрицательно покачал головой:

– Нет, Николай Алексеевич, не пронесло. Я в ходе обследования узнал бы то, что услышал от вас.

– И мне, конечно, теперь ни капли спиртного, ни затяжки сигареты?

– Как врач я должен сказать, что спиртное и никотин вреден для любого организма, но вы же все равно не слушаете меня?

– Само собой. Это что ж за жизнь, не пить, не курить, да еще, может, баб не трогать? Да лучше застрелиться к черту!

– Вот и я о том же. Старайтесь во всем знать меру. Приступы, если, конечно, они не начнут ежедневно преследовать вас, пережить можно. В остальном организм скоро восстановится, и вы будете вполне физически полноценным человеком.

Есипов спросил:

– Почему же тогда меня из армии увольнять надо? Если все совсем скоро восстановится?

– А вот это спросите у комиссии. У меня просто нет времени продолжать беседу, впереди две операции.

Начальник отделения поднялся и, пожелав всем скорейшего выздоровления, покинул палату, оставив Есипова лежать на казенной постели. И мысли офицера были мрачные.

Майора перевели в травматологическое отделение, где он находился еще месяц. По истечении которого врачебная комиссия вынесла свой вердикт – признать Николая не годным к строевой службе в мирное время, другими словами, его комиссовали, признав инвалидом II группы. Есипов к этому времени уже свободно передвигался на костылях, и, по большому

счету, в окружном госпитале ему делать было нечего. Следовало убыть на подмосковную базу антитеррористической службы для оформления всех положенных при увольнении в запас документов. Вот только как это практически осуществить? Необходимо связаться с отрядом. Но Калинин опередил действия бывшего уже командира штурмовой группы специального назначения, утром понедельника 22 сентября прибыв в госпиталь. Полковник нашел подчиненного в курилке. Есипов сидел на скамейке один и не заметил, как с тыла к нему подошел командир отряда. Только услышал:

– Ну, здравствуй, бродяга!

Майор резко обернулся:

– Александр Иванович? Вот кого не ждал. А ведь сам хотел сегодня попытаться связаться с отрядом.

– Почему попытаться? Я же тебе рацию оставил. Позывной не изменился!

– Так изъяли у меня рацию! Особист местный! Не положено, мол. Да еще допытывался, откуда у меня импортная станция?

– А ты чего?

– Да послал его на хер – и все! Особисты во всех потенциальных предателей видят, вот только почему-то действительных своих клиентов почти всегда пропускают.

– Ясно! Бузишь, значит? Это хорошо! Из этого следует, что пошел на поправку!

Есипов вдохнул:

– А толку? Меня комиссовали, товарищ полковник!

– Знаю! Поэтому и приехал. Забрать в Москву!

Майор оживился:

– Отряд на главную базу возвращают?

– Нет, Коля, отряд пока остается в Чечне! Просто у нас в службе произошли кардинальные изменения.

И Калинин довел до подчиненного, что Кучеров неожиданно подал в отставку, выставив свою кандидатуру на выборы губернатора Переславской области. Но скорее всего, это не личное решение генерала. Видимо, на самом верху решили посадить его в губернаторское кресло. В связи с этим назначен новый руководитель спецслужбы, а конкретно полковник Калинин с присвоением звания генерал-майора. Отряд «Гроза» возглавил бывший заместитель Калинина полковник Данилов, а вместо Есипова командиром первой штурмовой группы стал капитан Волков, приемный сын Калинина. На разведку определили старшего лейтенанта Молчуна.

– Вот такие дела, Коля.

– Значит, вас можно поздравить с лампасами?

– Можно! Но не в них дело. Решено расширить Службу. Руководство требует подготовить предложения по реорганизации нашего департамента. Предстоит куча бумажной работы. В том числе и решить твой вопрос.

Есипов ухмыльнулся:

– А чего его решать? Оформить приказ – и до свидания!

– Что значит, до свидания? У тебя квартира в городке. Никто ее забирать не собирается. И в штабе тебе применение найдем. Или еще где. Сам знаешь, в отделе обеспечения у нас должностей достаточно. Ну, не офицером, а служащим, но останешься в спецназе!

– Нет, товарищ генерал! Тыловик из меня никакой. Поеду к себе на родину. Пять лет, как умерла мать, там не был! Дом пустой стоит. И поселок как раз в Переславской области. Пройдет Кучеров на губернаторство, глядишь, и встретимся! А в городке я жить не смогу. Сами должны понимать.

Калинин приобнял Есипова:

– Поживем – увидим, майор! Тебе все одно еще полечиться надо. Не на костылях же ты пошлепаешь в свой районный центр? Это не меньше месяца. А за месяц много воды утечет!

Так что не будем загадывать. Ты давай собирайся, а я займусь документами. В 15.00 у нас с тобой вылет с военного аэродрома.

Есипов удивился:

– Так вы что, ради меня в Ростов борт сажали?

– А разве ты не заслужил этого? Но все, разговоры оставим на потом, а сейчас займемся делом.

Точно по графику транспортный «Ил-76» оторвался от бетонки военного аэродрома, взяв курс на Москву. И уже в семь вечера Николай вошел в свою однокомнатную квартиру дома офицерского состава закрытого и засекреченного городка, раскинувшегося в сосновом лесу недалеко от столицы.

Квартира встретила хозяина нежилым духом и ощущением одиночества. Да, теперь, несмотря на то, что находился среди людей, майор Есипов был одинок. За время службы семьей обзавестись он не смог. Знакомства где-нибудь в метро или ресторане, короткий разговор, от силы пара свиданий и постель. С кем-то ему было хорошо, с кем-то нет. Но практически ни одна связь с женщиной не длилась больше месяца. Да и ухаживать за дамами по-настоящему у Николая просто никогда не было времени.

В результате он один в холодной, неприветливой квартире, которая так и не стала для него домашним очагом. Так, место, где он мог остановиться во время нахождения на базе. И ничего своего здесь у Есипова. Все – казенное. Мебель, телевизор, холодильник, кондиционер, даже шторы на окнах и постельное белье! Эта квартира не могла стать домом Николаю. Его дом в трехстах километрах отсюда, в Переславской области. Дом, в котором он родился и вырос. Дом, из которого он семнадцатилетним юношей уехал поступать в военное училище и в котором умерли его родители. И он вернется туда, откуда когда-то ушел в большую и, как оказалось, весьма сложную, богатую на приключения жизнь. Вернется навсегда в мир своего детства и юности к людям, которые его помнили еще мальчишкой, в поселок, далекий от проклятой войны, сделавшей майора инвалидом.

Есипов прошел на кухню, открыл холодильник, достал бутылку водки, которая всегда ждала своего хозяина, поставленная туда перед очередным убытием на задание. Налил полный стакан, выпил, тут же закулив, тем самым нарушив предписания врачей, но помня слова подполковника Шагова, советовавшего во всем, в том числе и пьянке, знать меру. Но Есипов всегда знал свою меру, по крайней мере, до сегодняшнего дня. Сегодня он эту меру блюсти не будет. Ни в спиртном, ни в табаке. Идет оно все к черту! Приступов после госпиталя у него больше не было. Пока не было. Может, ошибся нейрохирург, и их вообще не будет никогда? А если и будут, переживем. Устроившись за кухонным столом и глядя в окно, заслезившееся вдруг каплями мелкого дождя, Есипов пил и курил. Бутылки оказалось мало, пришлось вскрыть «НЗ» – армейскую флягу со спиртом. Разбавлять его не стал, пил так. И шел спирт, как вода, слегка пощипывая нёбо и обжигая желудок. Помянул погибших, тех, кого знал лично и кого не видел никогда. Всех, кто не вернулся домой из пылающих гор и ущелий Северного Кавказа. Потом запел. Песню про офицеров, которые не жалели живота своего, защищая Россию. Затем впервые в жизни заплакал, уронив пьяную голову на руки. И дождь плакал вместе с ним. За столом майор и уснул. И всю ночь на кухне горел свет, из крана капала вода, ударяясь о раковину в унисон с дождинками вступающей в свои права осени. Непогашенный окурочок прогорел до фильтра и погас, а на полу остались валяться костыли, незаменимый атрибут двух последних месяцев жизни офицера.

Пробыв в закрытом городке еще месяц, больше не напиваясь вдрызг и заменив костыли на трость, попутно оформив все бумаги, связанные с увольнением, майор собрался покинуть территорию секретного объекта. На 26 октября был назначен отъезд. Почему именно на двадцать шестое число? Да потому, что этот день являлся воскресеньем, а каждое воскресенье

из городка в столицу ходил служебный автобус, родители ездили проведать в интернате своих детей, сделать покупки, да вообще развлекаться! Этим автобусом намеревался уехать и майор запаса Николай Есипов.

Накануне, вечером субботы, он собрал весь свой нехитрый скарб. Джинсовый костюм, новую «тройку», несколько рубашек, кожаную куртку, дубленку с шапкой, нижнее белье, зимние ботинки. Сложил все в объемную черную сумку. Оставил туфли, черные брюки, такие же черные рубашку, свитер и ветровку. В них он поедет. Бумаги сложил в кейс. Взял в руки выданное удостоверение личности офицера, взамен того, что сопровождало его всю службу в спецназе. Пролистал документ. В нем он, майор Есипов, значился командиром мотострелкового батальона Дальневосточного военного округа. Вот где не приходилось бывать Николаю, так это на Дальнем Востоке. И то потому, что там в отношении терроризма было относительно спокойно. А согласно удостоверению он всю службу прослужил в одной войсковой части, пройдя путь от командира взвода до комбата. Открыл страничку, где были указаны награды. Так! Медали «За боевые заслуги», «За безупречную службу» двух степеней и номер наградного пистолета Макарова. Есипов усмехнулся. Медаль «За БЗ», когда у него только орденов Мужества три штуки. А всего пятнадцать правительственных наград. Но, видимо, и они являлись секретной информацией, раз в штабе Службы не посчитали нужным внести их в новое удостоверение. И вообще, в полученных документах правдивым являлись только фамилия с именем-отчеством, воинское звание и статья, по которой Есипова уволили в запас. И то в заключении врачебной комиссии значилось, что травму головы и ноги майор получил не в результате боя, а в банальной автомобильной аварии. На ум пришла фраза, не раз слышанная Николаем, – страна должна знать своих героев! Как же! Должна! Но... не обязана! Ну и ладно! В принципе, не столь важно, кем он выходил на пенсию, командиром штурмовой группы отряда специального назначения или комбатом пехотного батальона. Теперь это не играло никакой роли. Хотя, если признаться, Есипову было немного обидно. Он извлек из кобуры наградной «ПМ». На табличке значилось – «Капитану Есипову Н. А. за храбрость».

Этим оружием командира группы наградили за разгром банды Дикаря – Аслана Алоева, терроризировавшего приграничные с Чечней горные районы Дагестана. Тогда группе Есипова повезло. На Дикаря поступило сразу три наводки, в которых разведка сообщила о трех населенных пунктах, в которых могла появиться банда. Николай выбрал для засады самый, казалось бы, неудобный для прохода боевиков аул. И угадал. Дикарь привел своих дикарей-наемников именно туда, прямо в капкан, умело подготовленный людьми Николая. Штурмовой группе потребовалось чуть более получаса на уничтожение сотни Алоева! Когда это было? В позапрошлом году, в мае? В конце мая! Или в середине? Хотя, какая теперь разница? Тот бой, как и все предыдущие и последующие, с этого дня в прошлом. Незабываемом, но прошлом. А впереди новая жизнь. Как сложится она? Этого не знал никто, включая и самого Есипова. Майор прошел на кухню. Закурил, пытаясь представить себе родной райцентр, в котором не был пять лет. На улице Садовой, что на самой южной окраине поселка Ташаево, было двадцать дворов, по десять с каждой стороны грунтовой дороги, уходящей через сосняк к реке. Дом Есиповых посередине, рядом с вековым дубом, на который пацаном любил взбираться Николай, пугая мать. Справа двор Ольги Галушкиной, первой любви Коли Есипова, вернее, ее родителей. Да, он любил Олю первой невинной, застенчивой любовью. Но так уж получилось, что им пришлось расстаться. Николай учился в училище, когда в поселке появился молодой и стильный комсомольский вожак Герман Шевцов. Он очаровал Ольгу, и та стала его женой. А потом, когда грянули реформы, этот Герман быстренько перевоплотился в бизнесмена, открыв одним из первых продовольственный ларек. И все бы ничего, если бы жажда денег не привела Шевцова к преступлению. Он занялся наркотиками. И в его палатках наряду с конфетами, жвачками и пивом местные пацаны могли купить анашу и героин! Добром это не кончилось, и бывший комсомольский вожак загремел на восемь лет в места, которые почему-то называют

не столь отдаленными, хотя в действительности многие лагеря, как раз наоборот, находятся весьма далеко от центра России. Ольга осталась с ребенком и матерью одна. Что с ней было позже, он, Николай, не знает.

По другую сторону жил Володька Соболев, также одноклассник и друг детства Николая. Тот после армии пошел в школу милиции и по окончании ее стал участковым. Вообще на этой окраине жили почти все одноклассники Есипова. Они вместе, улицей, ходили в школу, в местный клуб, где ребята постоянно сталкивались с пацанами из фабричного микрорайона. Фабричным он назывался оттого, что дома в нем населяли работники ватной фабрики, самого крупного промышленного предприятия Ташаева. Пять лет назад эта фабрика на ладан дышала. Интересно, что сейчас с ней?

В этот мир и предстояло вернуться Николаю Есипову, бывшему майору спецназа, по документам обычному армейскому офицеру, списанному в запас по состоянию здоровья.

Размышления майора прервал звонок в дверь.

Николай никого не ждал, поэтому немного удивился вечернему гостю. Но дверь открыл и... увидел на пороге самого руководителя спецслужбы генерала Калинина. Тот спросил:

– Не ждал?

– Нет, даже и не думал, что вы можете зайти!

– А я вот зашел! Ну что в проходе держишь? Или в квартире есть кто, кого мне видеть не обязательно?

– Извините, проходите, Александр Иванович!

Генерал прошел в комнату, увидел баул с кейсом:

– Собрался?

– Так точно! Завтра с утренним автобусом в Москву, оттуда электричкой до Переславля и опять автобусом уже напрямиком в Ташаево. К вечеру дома буду!

Калинин взглянул на уже бывшего подчиненного. Как иногда режет слух слово «бывший». Но если выразиться по сути, то так оно и есть.

– Автобусами, говоришь? Электричкой? С баулом, кейсом при больной ноге? От трости, поди, еще не отказался?

– Еще нет. Но скоро брошу.

– Вот именно, что скоро.

Генерал осмотрел квартиру, спросил:

– Где поговорить можем?

– Извините, но лучше на кухне. Удобнее.

– На кухне так на кухне. Выпить найдется?

– Спирт.

– Пойдет.

– Но без закуски. У меня ничего из еды нет. Холодильник и посуду сдал, как и все в этой хате, по описи. С собой бутербродов не готовил.

Калинин махнул рукой:

– Обойдемся без закуски. Впервой, что ли?

Прошли на кухню. Есипов разлил по стаканам остатки своего «НЗ». Выпили. Выдохнув воздух, генерал спросил:

– Телевизор сегодня не включал?

– Нет, а что?

– Напрасно. Новость интересную передали.

– И какую же?

– В Переславской области подвели предварительные итоги состоявшихся выборов губернатора. Кучеров лидирует с большим отрывом, можно уже сказать, что он и станет новым главой области!

Есипов пожал плечами:

– Ну, во-первых, область далеко не моя, в ней проживает более полутора миллионов человек, а во-вторых, каким боком меня касается успех Кучерова? Нет, я, конечно, рад за него, все же наш человек, сколько лет руководил Службой, и все же мне-то до этого какое дело?

– Как – какое? Ты что, Коля? Или забыл, что спецназ своих в беде не бросает?

Николай улыбнулся:

– В какой беде? Это вы насчет меня? Так я в порядке! Пенсию назначили хорошую, пособие солидное получил, да и запасы кое-какие имеются, к тому же дом свой. Что еще нужно пенсионеру для спокойной жизни? Так что я ни в чем не нуждаюсь!

– Что, так и будешь дома сиднем сидеть?

– А что мне еще делать? Цветы разведу, рыбалкой займусь, грибами...

Николай, отвернувшись к окну, повторил как-то печально:

– ...да, грибами, ягодами.

Калинин прекрасно понимал состояние Есипова. И его наигранную бравату тоже. На самом же деле Николаю было очень тяжело.

– Ты это брось, Коля. Короче, звонил я Кучерову перед тем, как идти сюда. Рассказал о тебе. Вот, держи визитку, на перед не смотри. А на обратной стороне номер. Мобильный. По нему выйдешь напрямую на Кучерова. И не говори ничего. Главное, знай, он всегда тебе поможет. Как и я, и весь наш коллектив.

Есипов вновь пожал плечами, но визитку принял.

Генерал продолжил:

– Мой номер ты знаешь. Да и радиостанция у тебя останется, та, что особист изымал в госпитале.

– Что, вернул контрразведчик?

– А куда бы он делся? Про автобус забудь. К 10.00 к подъезду подойдет моя «Волга», на ней и поедешь домой. Радиостанцию у водителя возьмешь.

Майор был тронут заботой Калинина, хотя мог бы и догадаться, что генерал по-другому поступить просто не мог.

– Спасибо, Александр Иванович!

– Да ладно тебе. Пойду я, у меня еще сеанс связи с «Грозой».

– Отряд в Чечне? На выходе?

– Нет, в отстое, но скоро, исходя из обстановки, наверное, придется к границе с Грузией перебрасывать.

– Привет всем передайте.

– Обязательно!

Калинин встал:

– Проводить лично утром не смогу, в Москву вызывают, так что давай попрощаемся здесь и сейчас.

Генерал с майором обнялись.

А утром черная «Волга» понесла майора спецназа в провинциальный поселок Ташаево. И глядя в окно на удаляющийся закрытый военный городок, Есипов был уверен, что боевой этап его жизни позади. Впереди скучная, но мирная жизнь. Он не мог и предположить, ЧТО в недалеком будущем ждет его на «гражданке». Не мог и подумать, что ядовитые щупальца террора дотянутся и до его поселка, в одно мгновение изменив жизнь и судьбы многих людей. И что ему, Есипову, придется достать и впервые применить наградной «ПМ», вновь став офицером спецназа. Но ни о чем подобном майор, покидая секретный объект, не думал, мысленно прощаясь со своим военным прошлым.

Глава 3

Около четырех часов пополудни черная «Волга» остановилась возле усадьбы Есипова. Николай, поблагодарив водителя, приняв от него портативную радиостанцию и выставив на землю баул с вещами и кейс, отпустил автомобиль спецслужбы. Тот, развернувшись и подняв приличное облако пыли – улицу Садовую до сих пор местные власти не удосужились заасфальтировать, – ушел в сторону центра поселка Ташаево и далее через Переславль на Москву. Майор посмотрел на дом, где когда-то родился. Но увидел лишь половину здания, верхнюю часть его, так как палисадник за поваленным забором густо зарос высоким бурьяном. Дом казался мертвым. Да таким он и был в отсутствие жильцов, глядя на мир обшарпанными стенами и почерневшими щитами, закрывавшими окна. Но крыша, по крайней мере, со стороны фасада, находилась вполне в сносном состоянии. Повреждений, почерневшего шифера видно не было. Опираясь на трость, Николай перенес нехитрые свои пожитки на крыльцо. Оно пострадало больше всего и оттого, что на нем, скорее всего, частенько собирались разного рода компании. Вокруг валялись пробки от бутылок, окурки.

Есипов присел на лавочку. Осмотрел заколоченную крест-накрест дверь, ведущую в сени. Перевел взгляд на улицу.

Внешне на окраине ничего не изменилось. За исключением, пожалуй, двух высившихся на самом конце недостроенных особняков. Наверное, кто-нибудь из столицы или Переславля решил устроить себе здесь загородную усадьбу. Что ж, выбор сделали правильно. Река и лес с чистыми озерами под боком, вот только от городов далековато. Но что сейчас для людей, оснащенных транспортом, расстояние в 200–300 верст? Пустяки. Вот только сам подъезд к домам оставлял желать лучшего. После дождя на Садовой без помощи трактора-тягача не проедешь, даже на крутом джипе. Но, может, эти весьма не бедные, судя по размаху строительства, новоселы раскошелятся и на асфальт? Или хотя бы покроют грунтовку щебеночным полотном? Но это их дело.

Еще одно изменение, произошедшее за время отсутствия здесь, отметил Николай. Вдоль домов протянуты желтые трубы газопровода. Его дом не был подключен, это и естественно, но при наличии магистральной линии врезаться в нее не составляло проблемы. Были бы деньги оплатить услуги газовиков, а они у Есипова были. Общей суммой чуть более двадцати тысяч долларов. Все его сбережения за годы службы и выходное пособие, переведенное в твердую североамериканскую валюту. На эти деньги он мог свободно купить новый дом или трехкомнатную квартиру в Центре. Но он приехал ДОМОЙ! В этот дом, на крыльце которого сидел и в котором намеревался жить дальше. Есипов достал пачку «LM», закурил.

Мимо прошли две старушки. Они вышли из-за бурьяна и не обратили внимания на вернувшегося Николая. Майор же узнал их. Это были женщины с крайних по его ряду усадеб, когда-то подруги матери, имен которых он сейчас, увы, не помнил. Ничего, совсем скоро вспомнит всех и познакомится с теми, кто поселился на его улице в последние годы. Со стороны центра поселка небо начали затягивать свинцовые тучи. Майор пустил струю дыма вверх, ее снесло слабым ветром. Следовательно, скоро возможен дождь. Затяжной, осенний. Что ж, на то она и осень. Хотя как минимум за неделю погода здесь стояла нормальная. Об этом говорили сухие канавы и пыль, толстым слоем лежащая на колеях грунтовки. Да и трава, росшая ближе к домам, прилично запылена. Приближающийся дождь превратит улицу в сплошное месиво грязи. Ну и черт с ним! Есипову здесь на тачке не кататься, хотя автомобилем обзавестись придется. Даже для того, чтобы ездить на рыбалку к местам, где они рыбачили еще с отцом, вытаскивая из Оки на донки приличных лещей. Эти места находились километрах в десяти по этому берегу, за лесом, что начинался у околицы. Тогда они добирались на свой «мысок», используя лошадь местного колхоза, где отец работал трактористом, и собственную

телегу, сейчас уже, наверное, до конца сгнившую в сарае, а может, и отсутствующую. Наверняка все постройки, да и сам дом за эти пять лет неоднократно тщательно исследовали соседи. И это объяснимо. Люди здесь жили не так весело, как в Москве, и приспособивали в хозяйстве каждую более-менее пригодную вещь.

Выкурив сигарету, Есипов встал. Смотреть на родную улицу хорошо, но надо и дом осмотреть, пока не стемнеет, и хотя бы «летучую мышь», если она сохранилась в чулане, приладить. Электричество было отрублено, о чем свидетельствовал огрызок провода, ранее соединяющий общую линию с домом. Но, скорее всего, этот вечер придется провести при свете фонаря, благо таковой у бывшего майора спецназа имелся, заряженный новыми аккумуляторами. Но вот вопрос, как сбить доски с двери? Костылем это не сделать, нужно найти что-нибудь посущественней, хотя бы монтировку или топор. Где их взять? Только у соседей. Либо у участкового Володьки, либо... у Ольги. От мысли о своей первой, так и не состоявшейся любви Николай почувствовал себя неуютно. А ведь ему придется жить рядом с ней. Как-то сложится эта жизнь? И как пройдет первая встреча? Есипов одновременно желал ее и боялся. Опасался встречи с этим человеком еще и потому, что не был уверен в том, что любовь не вспыхнет вновь в его одиноком сердце. Как это случилось пять лет назад. Тогда он увидел Ольгу на поминках, и сердце его сжала тоскующая боль. А наутро покинул поселок, с головой окунувшись в боевую работу, недостатка в которой у отряда специального назначения никогда не было. Как-то сложится все сейчас? На этот вопрос боевой офицер ответить не мог. Время между тем неумолимо приближало ночь, а Есипов все торчал на крыльце. Решил пойти к Володьке. Взяв трость, проковылял ко двору Соболева. Но на двери его дома висел замок. Участковый отсутствовал, да это и понятно, не время ему еще возвращаться со службы, а вот Марина, супруга его, в принципе, уже должна была прийти с работы, если, конечно, работала. Да и дети, Олег и Анюта, по идее, не могли в отсутствие родителей оставить хату. Сколько им сейчас? Лет по двенадцать, тринадцать? Где-то около этого. Но дом Соболева пуст. Это плохо. Следом жил дед Ермолай, но у того зимой и снега не выпросишь, да и жив ли дед? Что-то в его дворе никаких движений.

Николай оглянулся и... увидел Ольгу! Она стояла напротив своего дома и смотрела на него. Платок упал на плечи, и волосы рассыпались по плечам.

Сердце Николая екнуло, и от волнения стало сухо в горле. Чтобы не показать смущения, он достал сигареты, медленно прикурил, заметив, что руки его слегка дрожат. Стоять истуканом дальше было просто неприлично, и Есипов направился к соседке, стараясь меньше хромать и надев на лицо нечто похожее на улыбку. Со стороны, наверное, это выглядело, по меньшей мере, смешно. Но Николай не думал о том, как выглядит со стороны. Он пытался сосредоточиться, чтобы при встрече с женщиной не получилось конфуза. Майор совершенно не представлял, с чего следует начать разговор с Олей! Хотя... ведь ему нужен инструмент для проникновения в собственное жилище.

Николай приближался к женщине, а та, замерев на месте, ждала, глядя, как к ней идет тот, которого она так и не сумела вычеркнуть из своего сердца. Она видела седую шевелюру Николая и трость, помогающую немного скрывать хромоту, и ей хотелось убежать в дом, чтобы, заперевшись в спальне и уткнувшись в подушку, выплакать слезы, которые неожиданно и обильно подступили к глазам, когда она увидела Есипова. И ее сердце чуть не оборвалось, когда она до конца осознала, что это не призрак, а ОН, Коля, стоит на улице. До боли родной и одновременно бесконечно чужой и далекий. Но и Оля заставила взять себя в руки, оставшись на месте, глядя на приближающегося Николая.

Есипов подошел, поздоровался:

– Здравствуй, Оля!

Женщина ответила скорее машинально:

– Здравствуй, Коля!

Наступило неловкое молчание, к счастью недолгое. Инициатором продолжения разговора выступила женщина, тихо спросив:

- Вернулся?
- Да.
- В отпуск?
- Нет. Насовсем.

Есипову показалось, что Ольга издала стон, но в это время рядом протарахтел мопед какого-то мальчишки, и Николай не был уверен в том, что слышал стон или нечто похожее на него.

Ольга продолжила задавать вопросы:

- Ты уволился?
- Да.

Он поднял трость, добавив:

- По состоянию здоровья.
- А что случилось?
- Авария. Перевернулся на машине, сломался так, что служить дальше не разрешили.

Случай.

- Да, вся наша жизнь сплошной случай.

Николай, видя, что разговор Оле дается тяжело, сменил тему и спросил наконец то, что и должен был спросить:

– У тебя, Оль, в хозяйстве гвоздодера, лома или монтировки не найдется? В собственный дом не могу зайти. Двери наглухо заколочены, а Володька с семьей отсутствует.

- Конечно! Сейчас что-нибудь найду.

Николай вновь нервно закурил, а Ольга, захлопнув за собой дверь, прижалась к ней спиной, прошептав:

- Господи! Что же это такое? Ну, зачем, зачем он вернулся! Боже! Как же теперь жить?

Она приложила прохладные ладони к щекам, закрыла глаза. Из-под ресниц по щекам скатилась серебристая слезинка. За ней другая. Женщина заплакала, задрожав хрупким телом. Появление Николая словно взорвало Ольгу изнутри, с острой, колющей болью, разбередив ей душу так и не остывшей первой любовью. Оторвавшись от двери, женщина бросилась на кухню, открыла кран и подставила лицо под струю холодной воды. Из комнаты вышел мальчик десяти лет:

- Что с тобой, мама? Тебе плохо?

Женщина вытерла лицо полотенцем, ответив:

- Нет, сынок.
- А что это за дядя, с которым ты на улице разговаривала?
- Это наш сосед. Он и раньше здесь жил. Я с ним в одном классе училась. Потом дядя Коля, так его зовут, стал военным, а сейчас, отслужив в армии, вернулся. Кстати, Валера, ты не знаешь, где у нас гвоздодер?

- В сарае, наверное, а зачем он?

Мать объяснила:

- Дяде Коле надо дверь в хату открыть, там же все заколочено.
- А топор подойдет?
- Да, должен.
- Сейчас принесу.

Валера вышел в сени и вернулся с топором:

- Вот, мама.
- Спасибо, касатик, спасибо, родной.

Женщина вышла на улицу, протянула Николаю топор:

– Вот, Коль, пойдет?

– Пойдет.

– Сам-то сможешь?

Есипов взглянул на Ольгу:

– Что?

– Ну, доски оторвать?

– Конечно. Ведь у меня же нога повреждена, а не руки.

– Ну, ладно.

– Как открою, верну.

И майор захромал к своему дому.

Дверь освободил быстро. Вошел в сени, из них в горницу. Внутри царствовал аромат плесени, пыли и еще чего-то слабого, но такого знакомого, что иначе, как запахом детства, назвать трудно. Из мебели почти ничего не осталось, только пустой шкаф без створок да перекосившийся стул без одной ножки. Кто-то основательно почистил избу. Но это даже хорошо. Все равно старый хлам пришлось бы выбрасывать. Николай прошел в спальню, в свою бывшую детскую. Удивительно, но здесь почти ничего не тронuto, на своем месте стояла старая кровать, даже с матрасом и рваным лоскутным одеялом, стол и две табуретки. В спальне покойных родителей – пустота, одни обшарпанные стены да скрипучие доски пола. Начинало темнеть. Есипов взглянул на часы. Без двадцати шесть! Скоро станет совсем темно, надо посмотреть, осталась ли в чулане «летучая мышь». Но в кладовке было пусто. Ладно! На сегодня обойдемся фонарем или лампу керосиновую у Володьки, как придет со службы, одолжим. Или свечи. Майор вышел во двор, обошел дом, пробираясь через бурьян, сбивая щиты с окон. Хорошо, стекла целы. А то ночью прохладно будет. Не май месяц на дворе. Хотя от прохлады и стекла не спасут. Придется печь растопить. Но это уже по обстановке, возможно, и обойдется без этого. Закончив работу, связанную с применением топора, пошел к двору Ольги. Постучал в дверь. Она вышла на крыльцо тут же:

– Все? А мы с сыном только сели уроки проверять.

– Его, кажется, Валерой зовут?

– Да. Помнишь?

– Помню. На поминках видел, но он тогда совсем маленьким был. Сколько ему сейчас?

– Десять. В четвертый класс пошел.

– Учится хорошо?

Женщина вздохнула:

– Как сказать? Не лучше, но и не хуже других. Средне. Но главное, душа у него светлая, к чужому горю и страданию не безразличная.

Николай улыбнулся:

– Это неудивительно. В тебя пошел.

Ольга поправила уложенные в пучок волосы, хотя никакой необходимости в этом не было.

Николай положил топор на скамейку:

– Спасибо, Оля. Рад был тебя встретить. Честное слово. Сколько лет прошло, а увидел и понял, что домой вернулся. В родные места, к родным людям. Иди, учи с сыном уроки, пойду и я.

– Как же ты один в брошенном, холодном доме будешь-то?

– Как-нибудь. Не к тебе же в гости напрашиваться?

Ольга покраснела, достала из кармана нового, что только сейчас заметил офицер, халата, очень удачно подчеркивающего ее красивую фигуру, платок, переложив из рук в руки:

– Ты знаешь, Коль...

Есипов не дал ей договорить:

– Все я знаю, Оля. Насчет гостя я пошутил. А насчет холодного дома? Мне не привыкать. Приходилось и на голой земле спать. А вам с Валерой спокойной ночи и красивых снов.

Он уже повернулся, чтобы уйти, как Ольга тихо спросила:

– Семейку позже перевезешь сюда?

Николай взглянул в глаза женщины, спросив:

– Чью семью?

– Как чью? Свою!

Есипов печально улыбнулся:

– Я бы перевез, конечно, да вот только некого перевозить. Нет у меня, Оля, семьи. Нет и никогда не было. Не встретил такую, как ты. До свиданья.

– До свиданья!

Не успел Николай зайти в дом, как почувствовал чутьем разведчика – внутри кто-то есть! И этот кто-то, услышав шаги хозяина, затаился. Затаился где-то в горнице. Скорее всего, за дверью, больше нигде. Кто этот неизвестный? Бездомный, облюбовавший пустую хату под временное пристанище? Нет, его майор определил бы сразу, как приехал. Тот обязательно где-нибудь, но оставил бы свой след. И тут он догадался. Этим неизвестным мог быть только Володя Соболев, сосед-участковый! Ну, конечно, вернулся со службы, увидел, что дом Есиповых вскрыт, и зашел проверить, кто это расхазяйничался в соседской избе?

Майор улыбнулся и позвал:

– Соболев! Выходи! Хреновый из тебя конспиратор, за версту ментом отдает!

В проеме показался друг детства:

– А ты, Колян, случаем, не в разведке служил? Смотри-ка, учуял, черт бродячий!

Друзья обнялись:

– Здорово, Колька!

– Здорово, Вова, здорово!

– Ты, никак, решил в отпуске к нам заглянуть?

– Да нет, но об этом потом. И что это мы в темноте-то торчим, пойдем на улицу, что ли?

А то у меня при себе, кроме фонаря, никаких осветительных приборов нет в наличии!

Соболев возмутился:

– Ты что, Колян? Какая может быть улица? Ко мне пойдем! Я тебя засек, как со службы пришел. Подхожу к калитке, а из соседней хаты мужик выходит. Признаюсь, не узнал. А все из-за хромоты и трости! Ты че, раненый?

– Нет. Но и об этом потом. Продолжай!

– Ну, идем, идем!

Выйдя на улицу, Соболев продолжил:

– Да еще в руках топор! Заинтересовался. Пошел следом. И только тогда узнал, когда ты с Ольгой Шевцовой заговорил. Не скрою, обрадовался, но сдержался. Думаю, долго ты с ней базарить не будешь. Ну и решил в избе тебя дожидаться. Сюрприз устроить. А ты вон как, сразу чужака вычислил!

Николай остановился:

– погоди, Володь, погоди! Что ты зарядил, как из станкового пулемета? Спешешь куда?

– А куда мне спешить? Просто эмоции захлестывают. Сколько не виделись? А ведь кроме тебя, у меня друзей настоящих так больше и не появилось. Так, знакомые одни! Поэтому не перебивай, дай выговориться!

– Ну, ладно, выговаривайся!

Владимир посмотрел на Есипова:

– Да вроде и сказал все! Вот черт! Тебя в армии, что ли, научили людей с толку сбивать?

– Жизнь научила. И не сбивал я тебя.

– Да? Ну, Колян?!

Друзья подошли к крыльцу дома Соболева.

Владимир открыл дверь:

– Прошу, господин офицер!

– А ты что, один? А где твои?

Соболев махнул рукой:

– Да разбежались мы с Маринкой на время. Поругались, короче. Она с детьми к своим родичам слиняла. Ничего, денька два пройдет, остынет, вернется. Не в первый раз. Да ты проходи, проходи! Будь как дома!

Николай поинтересовался:

– Из-за чего поругались? Ты вроде не пьешь особо и не буйный. Или за пять лет изменился?

– Да нет! А из-за чего ссора вышла? Не поверишь. А кому сказать, вообще засмеют. Из-за ее долбаного сериала.

– Какого сериала?

– Ну, этого, что по «ящику» каждый день крутят. Бразильского или мексиканского, хрен их разберешь! Какой-то там Хулио Игнасио, что ли? Она свихнулась на этих сериалах. Как только начинаются, все дела бросает – и к телевизору. Да мне что, смотри, только позавчера в одно время с этим Хулио футбол был, кубок УЕФА, наши с португальцами играли, а ты знаешь, я с детства болельщик еще тот. Ну и включил до нее нужный канал. Так Маринка чуть не в истерику. И эгоист я, и только о себе и службе думаю! У нее, мол, может, одна радость в жизни, сериал этот, а я и этого ее лишаю. Это Хулио, оказывается, у нее единственная радость? Представляешь? А муж, дети? Это что, обуза? Короче, говорю, плевать мне на твои мелодрамы, ничего не случится, если серию пропустишь, а я футбол буду смотреть! Она фыркнет, как кошка в натуре, детей собрала и из дома! Ушла, в общем! И себе, и мне настроение испортила. Да еще наши вдогонку проиграли! Со всех сторон непруха и облом! Но ерунда, вернется, никуда не денется. Дети достанут. Они все больше ко мне тянутся, наверное, оттого, что видят редко. Служба, сам понимаешь, дни и ночи. Как в песне!

Николай укоризненно покачал головой:

– Да! Находят же люди, из-за чего друг другу жизнь портить! Ты ж мужчина, Вова, должен был уступить!

– С чего бы это? Ну, хрен с ним, если бы футбол этот тоже каждый день показывали. То уступил, другой телевизор купил бы крайняк, но ведь его раз в месяц, и то в сезон транслируют, а сериалы эти на каждом канале две-три штуки. И все похожие! Нет, Колян, как хочешь, но в данном случае Маринка должна была уступить. А она в дурь поперла. Но хрен с ней! Закроем тему. Ты, наверное, голодный?

– Да нет!

– Что, нет? Бутерброды на вокзале перехватил? Ты иди в комнату, посиди чуток, а я на кухне ужин быстренько сварганю. Посидим, выпьем, поговорим по душам, пока никто не мешает! Давай топай.

Николай прошел в зал, или гостиную, а по-деревенски, в горницу. Обставлена главная комната была скромно, но со вкусом. Да и где взять средства простому участковому, пусть и офицеру, чтобы позволить дорогую покупку? Нынче государство все больше о чиновниках думает. Вот на них денег не жалеет. Зарплаты в месяц платит такие, какие Соболеву и за год не заработать! Как же у нас все неправильно, несправедливо. Единицы миллиардами ворочают, от денег уже с ума сходят, целые санатории для личного отдыха снимают, и в казино баксами швыряют похлеще арабских шейхов, а основная масса общества, та, что не приспособилась к спекуляции, что предпринимательством назвали, в буквальном смысле бедствует. Кто-то острова в тропиках скупает, чтобы с очередной модельной шлюхой недельку на бережку покувыркаться, а кому-то на хлеб денег не хватает. И это называют новой эпохой. Реформаторы, мать

иху! Где результаты реформ этих новоявленных министров-капиталистов? Хотя результаты как раз налицо! Это и коррупция, и наркомания, и бандитизм...

– Коль! У меня все готово!

– Иду!

Друзья устроились за столом, на который Владимир выставил бутылку водки, рюмки, солёности, только что сваренные сосиски и как фирменное блюдо – сало собственного копчения с зеленью.

Соболев поднял тост:

– За встречу!

Выпили.

Николай действительно за день проголодался, поэтому сразу же приступил к закуске. И только после того, как утолил голод, предложил налить еще.

Владимир спросил, разливая по рюмкам водку:

– За что пьем на этот раз? За отпуск?

– Да нет, Володь! За дембель!

Рука Соболева с бутылкой остановилась у тары Есипова:

– Не понял! Так ты что, совсем вернулся?

– Совсем, Вова, комиссовали меня, знаешь, что это такое?

– Ну, еще бы.

– В аварию автомобильную я попал, Вова!

– Из-за нее и комиссовали?

– Из-за нее, будь она неладна. Нелепый случай, а видишь, как обернулось? Но это, может, и к лучшему. Сейчас в армии служба не то, что раньше!

Владимир довел начатое дело до конца, наполнив рюмку друга, попутно согласившись с ним:

– Да, сейчас не то, что раньше. Раньше офицеры в цене были. Девки, помню, за курсантами табунами гонялись, да и наши в Переславль ездили, на заборах училищ висели, в надежде цепануть курсантика в женихи! Я вот тебе удивляюсь. Столько баб вокруг вилось, а ты так и не женился!

Николай не дал словообильному сегодня другу развить тему, предложив:

– Давай за дембель! Он, как и рождение, один раз в жизни бывает!

Соболев резонно заметил:

– Все в нашей жизни один раз бывает. Как и сама жизнь дается нам лишь единожды. Но за дембель – это святое!

Друзья выпили по второй.

Владимир спросил:

– Ты никогда не говорил, где служил. Секретная часть?

– Да нет, какая там секретная? На Дальнем Востоке обретался. Как попал после училища под Уссурийск, так и тянул лямку в одном и том же мотострелковом полку.

– И до каких чинов дослужился?

– До командира батальона, должен был подполковника на следующий год получить, но вот авария. Уволился майором.

– А мне кто-то говорил, что ты якобы на Кавказе, в спецназе боевиков гонял?

Николай усмехнулся:

– Откуда этому кому-то знать, где я служил?

Соболев согласился:

– И то правда!

Есипов закурил:

– Да что мы обо мне? Со мной все ясно. Ты-то как? Все в участковых?

– Ага! До капитана дошел – и хорош! Так, наверное, до пенсии буду по участку бродить. А мне, если серьезно, Коля, чины и должности без разницы. Да и привык я в участковых. Все про всех на участке знаю, меня тоже каждая собака знает. Тяжких преступлений, тьфу, тьфу, – Владимир трижды сплюнул через левое плечо, – еще не было и, даст бог, не будет, а с хулиганкой да бытовухой разбираемся. Сложнее с наркотой, но этим специальное отделение занимается.

Николай поинтересовался:

– Что, балуется молодежь?

Соболев вздохнул:

– Если бы баловалась, Коля! Два года назад не знали, что с этой чумой делать. Наркота буквально заполонила район. Потом, как взяли группу, промышлявшую доставкой и распространением дури, вроде ситуация исправилась. Но все одно наркоманов хватает. И если героин достать в поселке, да и Переславле тяжело, то анаши в достатке. Ну и синтетики разной. И, главное, наркоши, как мухи, мрут, у меня на участке за год три передозы, а молодняк все одно втягивается в это гибельное дело.

– Ну вот, а говоришь, тяжких преступлений у тебя на участке не было. Разве распространение наркотиков не тяжелейшее преступление?

– Так гадостью не у меня торгуют! У меня лишь жертвы этой торговли. Но боремся, как говорится, по мере сил и возможностей.

Участковый тоже достал из пачки сигарету, хотя курил мало. Задымил вместе с другом.

– Вот такие у нас тут дела! Ребят из класса в поселке осталось немного, я с Ольгой да Костик Пыжик с Битой. Остальные либо в Переславле, либо в Москве, а Вася Пастух в соседнем селе, в Березовке, ферму организовал. Животноводческую. Бита, Битюков Андрей, с Ольгой-соседкой на ватной фабрике пашут. Там еще гроши кое-какие платят, а Пыжик, Пыжиков, в лесниках. Окончил заочно какой-то там лесной техникум и теперь хозяин леса. Без него ни одного дерева не спилят. Строгий стал, сил нет. А толку? Начальство из администрации прикажет какой-нибудь местной шишке на сруб под баньку материал заготовить, и откомандовался Пыжик! У нас теперь как? Основной Закон не Конституция, а распоряжение главы администрации!

Николай спросил:

– Районом все Аракевич рулит?

– Он! Незаменимый наш Андрей Михайлович! Пойдешь на реку, увидишь, какие два особняка на той стороне в лесу он отгрохал. Но оформил не на себя, а на братца, что в Москве живет, да на мать жены! Хитрый Ара! Четвертый срок на посту досиживает. Метит и на пятый, но знающие люди поговаривают, новый губернатор всех старых районных начальников к власти больше не допустит, своих людей рассадит. А он, губернатор этот, – бывший генерал какой-то там антитеррористической спецслужбы. Будто с самим президентом на «ты»! Если так, то область перетряхнет. Да и пора уже! Зажрались чинуши до беспредела полного. И их не в отставку бы, а на нары. К любому, при желании, можно с десятков статей Уголовного кодекса приклеить!

Есипов улыбнулся. Он-то знал, кто именно стал новым губернатором Переславской области. Вот бы Володя удивился, узнав, что Николай, его друг, запросто может позвонить этому губернатору. И что под его началом майор участвовал во многих боевых операциях, а не отсиживался, как говорил, в мотострелковом полку на Дальнем Востоке.

Но этого капитану милиции Соболеву знать не следовало. Николай только сказал:

– Посмотрим, как будет работать новый губернатор. Что сейчас гадать?

И сменил тему:

– Ты мне лучше расскажи, как Ольга живет.

Владимир внимательно посмотрел на друга:

– Все забыть не можешь?

Есипов признался:

– Не могу...

Из рассказа Владимира следовало, что и раньше, после замужества, она особого счастья не испытывала. Шевцов этот профурой еще тем оказался. Ольга дома торчала, а сам Герман к комсомолочкам в общагу ватной фабрики нырял. Открыто гулял. Ну, а потом, как реформы грянули, он вообще ее за рабыню держал. Как деньги появились, ему не до семьи было. Нет, содержать содержал, а сам дома почти не жил. С бандитами связался. Их тогда расплодилось, как грибов после дождя. С ними да проститутками и гульбанил. Но недолго. Все ему мало было, наркотой начал торговать. Это через него зараза в поселок пришла. Ну и погорел. А вернее, дружки его и подставили. В отдел кто-то информацию на него сбросил. Ну и взяли с поличным, определив в дальнейшем на восемь лет. А в доме почти все конфисковали. И осталась Ольга с ребенком в нищете. Пошла работать. А на ватке много не заработаешь. Получает 1500 в месяц. Разве на такие деньги можно прожить? А Шевцов из зоны еще посылочки просит. Вот так и бьется она с жизнью этой неустроенной...

– Такие вот дела, Коля! Она бы и без газа осталась, но мы тут с Пыжиком, Битой и Пастухом помогли, сбросились, кто сколько смог.

– А когда Шевцову из зоны выходить?

– Да уже скоро. Точно не скажу, но в этом году, по-моему, должен освободиться. А может, по весне. Хочешь, уточню?

– Не надо. Так я спросил.

– Ага, так! Эх, что теперь меж вас будет? Тебе бы, Коль, другую бабу найти. Их в поселке предостаточно. И нормальных баб! С Ольгой развивать отношения не советую, к добру это не приведет, а беды наделать может. Но сердцу не прикажешь.

– Вот именно, Володь, посмотрим! Если Ольга примет назад Шевцова, в их семью не полезу, переболею. Ну, а коль по-иному сложится... тут уж как выйдет. Давай по третьей! За тех, кто не вернулся из боя...

– Давай! Много их полегло в войнах всяких. И ты мог оказаться среди них, но повезло. А авария ерунда, главное – жив!

И вновь Николай еле заметно улыбнулся.

Молча, не чокаясь, выпили.

Бутылка кончилась. Соболев предложил взять еще одну. Сосед, дед Ермолай, запас постоянно держит. Участковому продаст. Но Есипов отказался:

– Хватит, Володь! И так посидели нормально. Пора и честь знать.

– Ты это о чем? К себе, что ли, собрался?

– Да!

– Ты мозги-то не...?! Там и спать-то негде! Оставайся у меня. Отдохнешь, как человек. А не хочешь спать, телевизор смотри!

Но Николай был неумолим:

– Нет, Вова, я домой приехал, понимаешь, домой! В нем и жить буду. За предложение спасибо, но я пойду к себе. Одна просьба, у тебя «летучей мыши» не будет?

– Есть. Только не пойму, чего ты уперся? Куда твой дом денется? Вон он рядом стоит. Как ремонт сделаешь, переберешься, а сейчас чего в развалинах маяться?

Есипов напомнил:

– Мы о светильнике говорили? Одолжишь на время, пока свет не проведу?

– Да, бери, господи! Сейчас, только найду. Мы-то ей не пользуемся, так что Маринка могла куда угодно засунуть эту «мышь»!

Владимир встал, вышел из кухни. Вернулся быстро:

– В сенях висела, а я и не замечал! Держи! Керосином заправлена под завязку!

– Спасибо. Ну, до завтра?

– Давай, черт упрямый! Ты завтра в центр пойдешь?

– Да. На учет в военкомате встану, потом в милицию, документы на получение паспорта оформлю. В электросеть зайду, чтобы электричество подключили. Дел хватит.

– Тогда заходи ко мне в 7.00. Я в отдел позвоню, попрошу машину. Там сегодня товарищ дежурным заступил. Не откажет! А то пешком да с больной ногой...

– Ладно. Ровно в семь буду здесь. Пока.

– Пока.

Соболев проводил товарища до крыльца.

Николай вошел в свой темный и неприветливый, но родной дом. Сразу прошел в спальню.

Установил на столе лампу, свет от которой придал немного уюта. Раскрыл створки окна, выходящего в палисадник с торца, прямо на кусты смородины, ряды которой служили границей между усадьбами Есиповых и Галушкиных, теперь Шевцовых. Дядя Вася и тетя Нюра Галушкины, родители Ольги, покоились на местном кладбище недалеко от могил его родителей.

Окна дома Ольги были темны.

Николай сел, глядя в окно. Закурил. А на улице все же начался дождь. Мелкий и нудный. Осенний. Шелест дождинок по кустам навевал грусть.

Николай курил сигарету за сигаретой!

Не спала этой ночью и Ольга...

Глава 4

В 7.00, как и было оговорено с Соболевым, гладко выбритый, но не выспавшийся, одетый в джинсовый костюм, с кейсом и тростью, Николай подошел к дому Владимира. У того горел свет, но Есипов не стал заходить, решив дождаться друга на улице, дыша свежим, чистым после ночного дождя воздухом.

Капитан появился минут через пятнадцать.

Увидев Николая, воскликнул:

– Во! А ты чего не зашел? На улице, как чужой, торчишь?

– Озон вдыхаю. Полезно.

– А, ну если так, то конечно. А я в отдел звонил. Машину выслали, но водила попросил разрешения заехать к своей теще, чего-то там передать. С минуты на минуту будет.

– Подождем. Не к спеху. Все одно нужные мне учреждения, наверное, не раньше девяти работу начинают?

Соболев утвердительно кивнул:

– Да, кто с девяти, кто с восьми! Тебе сначала в военкомат?

– Да. С него, думаю, и следует начать.

– Он с девяти! Но ничего, у меня в кабинете подождешь. Чаек, завтрак легкий организуем.

– Тебе в кабинет завтрак подают?

– Не только мне. Баба Маша, что рядом живет, с утра весь отдел домашними пирожками снабжает. Вкусные, пальчики оближешь.

Владимир, указав на лицо Николая, спросил:

– Не спал, что ли?

– С чего ты это взял?

– Да глаза у тебя, как у военно-морского окуня.

– И как ты в темноте заметил?

– А я, как сова, ночью лучше, чем днем, вижу! Шутка, конечно, но глаза заметно.

– Спал, Володь, но мало! Разошлись-то, наверное, часу во втором?

– Ну, ты хватил. Ровно в час я уже был в постели.

– Да? Ну и ладно.

Сзади раздались шаги.

Мужчины обернулись.

По тропинке вдоль забора шла Ольга с сыном. И Николай сразу обратил внимание, как бедно они были одеты. Да и на какие шиши им одеваться?

Женщина с мальчиком подошли к офицерам. Поздоровались, но не остановились, продолжав дальше к началу улицы на круг, где делал разворот единственный в поселке рейсовый автобус.

Соболев проговорил вслед:

– Валерку в школу повела, а сама на работу.

– Да, ты прав, живет Оля не ахти как.

– Не ахти – мягко сказано. Я вообще удивляюсь, как она еще держит себя. Другие спиваются к чертям или дома продают и в бомжи на переславскую свалку, где и пропадают, опустившись. А она держится. Только что-то и у нее глазки красные с утра. Уж не вместе ли вы ночью боролись с бессонницей?

– Володь! Думай, что говоришь, а?

– А что я такого сказал? Как раз вполне естественно. Ты одинок, она одинока.

– Володь!

– Ладно, ладно! Завяжем ненужный разговор. А вон, кстати, и «козел» наш катит.

День Есипова прошел в сплошных хлопотах. Хорошо, что он еще на базе спецслужбы подготовил все нужные документы и фотографии для получения военного билета и паспорта. С последним ему помог Соболев, имевший обширный круг знакомств во всех структурах местной власти, в паспортном столе в том числе. Сдав бумаги, Николай навестил предприятие электросетей, договорился о подключении дома к линии электроснабжения, зашел и в горгаз, оставил заявку на подвод природного газа от уличной магистрали, в местном универмаге купил электроприборы, люстру, светильник-бра, лампочки. В мебельном салоне выбрал полотораспальную кровать. И окончив рабочий день покупкой телевизора, музыкального центра и видеомagneтофона с хорошей, импортной антенной, на частном такси вернулся домой. Вскоре доставили и покупки, а также пришли электрики. К наступлению сумерек в доме уже был свет. Настроив телевизор, Есипов впервые за день, вернее, за все прошедшие сутки, нормально пообедал, если можно назвать обедом прием пищи в семь вечера. Но он сварил первое, приготовил второе, на третье заварил тонизирующий ароматный и весьма полезный зеленый чай. После обеда-ужина вышел во двор.

Сегодня дождя не было, и температура немного поднялась. Николай присел на бревно, лежавшее здесь столько времени, сколько он себя помнил. Закурил, пристроив под пепельницу ржавую консервную банку. Вокруг стеной стоял бурьян, и расступался он только в одном месте. Прямо у границы с усадьбой Ольги. Надо купить косу и скосить к черту эти заросли да заняться ремонтом дома. Дел много, а мысли вновь и вновь возвращались к бывшей невесте. Он вспомнил, как она утром прошла с сыном мимо него и Соболева, на ходу поздоровавшись, явно стесняясь убогости своей одежды. Николаю стало жаль Ольгу. Она заслуживает лучшей жизни, и он готов сделать ее счастливой. Вопрос, сможет ли она быть с ним? Да, встреча ее взволновала, это объяснимо, но у нее есть муж.

Справа послышался какой-то шорох.

Николай поднялся, прошел до полосы кустарника. В доме Ольги горел свет, а вокруг сплошная мгла. Слева яблони, шелестящие на легком ветру, справа открытый участок. Он пуст. И вновь посторонний звук. Слева, оттуда, где находился сад. И звук близкий. Кто-то явно находился за ближайшими деревьями. Что он там делает и кто, в конце концов, он? Есипов повернулся и решительно, насколько позволяла больная нога, двинулся к яблоням. От них к дому метнулась тень. Он опередил неизвестного, представ прямо перед ним. И услышал вскрик, женский вскрик. И только потом, когда сблизился с темной фигурой, пытающейся скрыть лицо, узнал в ней Ольгу. Она от неожиданности отступила в сторону и споткнулась. И упала бы, если бы сильные руки Есипова не удержали ее. Николай перехватил женщину и тут же рывком притянул к себе, крепко обняв, ощутив щекой ее лицо и локоны распущенных волос. Она прошептала:

– Коля!

И Николай ничего не смог произнести, кроме... как назвать имя:

– Оля!

Есипов, отбросив трость в сторону, поднял на руки легкое тело женщины, понес ее к своему дому. Ольга не сопротивлялась, закрыв глаза и обняв его за шею...

– Теперь я не отпущу тебя! Ты будешь только моей!

Женщина повернулась к нему, убрав руку:

– Нет, Коля, вернее, да, я буду твоей, но жить открыто мы пока не можем!

– Почему? Из-за комсорга?

– Коленька, он ведь законный муж мне! И скоро вернется!

Николай напрягся:

– Что ты хочешь этим сказать?

– А то, что до развода я не хочу, чтобы о нас говорила вся улица, весь поселок. Вот придет Герман, с ним разберусь, тогда... тогда и станем жить, никого не стесняясь!

Есипов погладил Ольгу по щеке:

– И это единственная причина того, что ты хочешь оставить наши отношения пока в тайне?

– Нет, не единственная. Ты забываешь о том, что у меня есть сын, с его мнением тоже надо считаться. И Валере нужно сравнить, в конце концов, как ни кощунственно это звучит, тебя с родным отцом, ведь он его практически не помнит, но знает о его существовании и ждет, когда сможет увидеть отца.

Николай вздохнул:

– Понятно...

– Ну, разве я не права, Коля?

Есипов прижал к себе Ольгу:

– Права, конечно же, ты права. Но, надеюсь, мы с тобой будем видеться? И ночь никто не сможет отнять у нас?

– Конечно, Коль! Да я теперь иначе и не смогу! Ой! А сколько времени?

Николай поднял с пола часы, посмотрел на светящийся циферблат:

– Половина десятого, а точнее 21 час 32 минуты!

Ольга удивленно воскликнула:

– Уже полдесятого?

– Да!

– Господи, как же быстро пролетело время?

Она приподнялась, собирая разбросанную в ногах одежду:

– Как же это я?

– А что такое, Оля?

– Да Валера! Я ему сказала, что выйду к подруге на полчаса, а сама? Он же один дома. Не дай бог пойдет еще искать!

Николай встал, выглянув в окно:

– Не суетись, Оль, одевайся спокойно! Дома Валера. И, по-моему, особо ни о чем не переживает. Телевизор смотрит, мне отсюда через твою спальню часть зала видна хорошо и кресло напротив телевизора.

Ольга быстро оделась:

– Побегу я, Коль!

– Но, уложив сына спать, придешь?

Женщина на секунду задумалась, ответив решительно и уверенно:

– Да! Приду! Но около полуночи!

– Хорошо! Я буду ждать тебя у смородины!

– Ну, встречай, только неизвестно, сколько ждать придется. Валерка то сразу засыпает, а то может и до часу ворочаться.

– Ничего, я подожду. Годы, десятилетие ждал, а уж какие-то часы? Ерунда!

Женщина прильнула к Николаю, внимательно взглянув ему в глаза и спросив:

– Правда, ждал?

– Правда!

– Поэтому и приехал?

– Да!

– И ты не хранишь в себе обиду на мою измену?

– Нет! Да и не было никакой измены. Ничего до сегодняшнего дня не было.

– Даже хорошего?

Есипов ответил категорично:

– Ничего! Будем считать, что только что познакомились. И начнем все с нуля!

Оля вновь улыбнулась:

– Хорошо же мы познакомились. Только увидели друг друга – и в постель?

Николай проводил Ольгу до ее двора, вернулся к себе, присел все на то же бревно.

Вот так! Кто бы мог предположить, что все разрешится так быстро, неожиданно и легко? А он думал, переживал, терзался сомнениями, выстраивал возможное развитие событий. А оказалось, все просто.

Майор другими глазами осмотрел свой темный, запущенный двор с покосившимися постройками. Теперь он готов все перевернуть здесь! Поднять такой дом, где найдут счастье и Оля, и Валера. Где всегда будет светло и уютно.

Мысли Есипова прервал окрик в сених:

– Колян? Ты куда запропастился?

Пришел Володя. Совсем некстати. Но не гнать же друга? Николай откликнулся:

– Выходи во двор, здесь я!

Из двери показалась фигура капитана милиции.

– А ты чего во дворе-то темном, как барсук, на пне скучаешь?

Есипов весело ответил:

– Да не скучаю, Вовка! Не скучаю! Планы строю! Как и что изменить в усадьбе. Скоро такое здесь строительство начну!

Соболев подозрительно взглянул на Есипова:

– А чего ты такой радостный?

– Ну, тебе, мент, не угодишь, то хмурый, то печальный, то радостный. Все тебе не в жилу!

– Да я чего, я ничего! Радостный – это хорошо, хуже, когда смурной. Но, кажется мне, захомотал ты все же Ольгу! А? Признавайся!

– Знаешь, кого хомутают? Вот-вот, лошадей! А признаются пусть твои клиенты. Ты чего зашел? Дело какое или просто, от скуки?

Капитан тоже вышел во двор, присел на бревно рядом с соседом.

– Кончилась скука! И свобода вместе с ней! Маринка с детьми вернулась, и нескольких дней не выдержала. Но это, с другой стороны, и хорошо. Свобода свободой, а жрать готовить да посуду мыть, ну его на хер! Не мужское это дело, и оно мне внапряг.

Николай спросил:

– Если семья вернулась, чего же ты из дома ушел?

– Чего? Маринка, как узнала, что ты приехал, так сразу за тобой меня и отправила! Так что собирайся, пойдем! Жена уже и стол накрыла. Ты для нее авторитет!

– Черт, а я хотел отдохнуть.

– И не думай! Не пойдешь, жена так обидится, что представить не можешь, а всю обиду на мне выместит.

Есипов вздохнул, взглянув на друга:

– Ну что с тобой делать? Пошли. Только предупреждаю! На час, не более!

– Чего так?

– Володь? Ну, какая тебе разница, чего да как? В одиннадцать, максимум полдвенадцатого я должен быть дома.

Соболев прищурился:

– Ага! Теперь понятно. Вот теперь мне все ясно! Только насчет времени Маринке сам скажешь! Как тебе удастся слинять через час, не представляю!

Капитан тихо рассмеялся.

Николай поднялся:

– Нечего лыбиться! Идем. Время дорого.

– Эх, Колька! Смотри...

– А чего мне смотреть? Пусть другие смотрят, а я жить нормально хочу, понял?

– Да понял, понял, не кипятись! Дверь прикрой, а то забредет кто по старой памяти в хату, не зная, что объявился хозяин, и новую твою аппаратуру тую-тую. Все мне лишняя работа. Искать-то ее участковому придется.

– Не бухти, иди на крыльцо!

Через несколько минут Николай зашел в дом Соболевых.

В прихожую вышла Марина:

– Здравствуй, Коля! Здравствуй, дорогой! Это ж сколько лет ты отсутствовал?

– Привет, Марин. А отсутствовал я пять годков. Извини, без цветов, не знал, что буду сегодня приглашен к вам. Но розы за мной!

Супруга Соболева взглянула на мужа:

– Учись, чудик, как с дамами обращаться надо. Сразу видно – офицер, а не мент участковый!

Владимир вспыхнул:

– Да чего ты все наезжаешь? То ей то не так, это не так. Цветов захотела? Куплю! Завтра же! На всю получку!

Марина погладила Соболева по щеке:

– Успокойся, Вова, успокойся! Нервный ты стал. Нет, нельзя тебя одного оставлять. Дичаешь быстро! Но что мы тут застряли? Прошу в зал. Стол накрыт и ждет народ!

Соболев не понял:

– Какой еще народ?

Марина терпеливо объяснила:

– Не народ ждет! А стол ждет, когда за него сядут люди. Теперь понял?

– Понял! Не дурак!

– Да? Это радует. Так вперед, господа офицеры!

Прошли в гостиную, сели за стол. Далее последовало обычное для этих случаев мероприятие. Выпили за приезд Николая, за любовь и удачу. Есипову пришлось ответить на те же вопросы Марины, которые вчера задавал ее супруг. Через час Николай поднялся:

– Спасибо за прием, друзья, но мне пора.

Марина удивилась:

– Как это пора? И куда идти-то? В пустой, холодный дом?

Соболев встал:

– Не такой он уж пустой и холодный!

Супруга перевела взгляд на мужа:

– Что ты имеешь в виду?

– Сама не догадываешься?

Марина посмотрела на Николая:

– Ольга? Ну, конечно! Как же я сразу не догадалась? Значит, Коля, у вас опять роман?

– Я ничего подобного не говорил!

– Это понятно, но... правильно! Оле в жизни сильно не повезло! А она заслуживает лучшей доли. Так что если, Коля, ты и она вновь вместе, я рада! Так и должно быть. И все предрассудки к черту! Живите в любви, пока живется!

Соболев, видимо, не ожидал столь пафосной речи своей жены, поэтому уставился на нее пьяным, удивленным взглядом. Марина повернулась к нему:

– Ну, что смотришь, Соболев? Или я не права?

Капитан милиции встряхнул головой:

– Да нет, права, конечно, только...

– Что только?

– Да ничего! Николаю надо идти! Давай на посошок, ребятки!

– А тебе не хватит, Вова?

– Нет! В самый раз!

Он поднялся, разлил остатки водки по фужерам:

– Ну, чтобы все было правильно. И за тебя, Коля, с Ольгой!

Выпили.

Супруги Соболевы проводили Николая до двери.

Майор вышел на улицу. Несмотря на принятое спиртное, он пьян не был. Есипов прошел домой. Включил в спальне и гостиной свет. Глаза резали черные амбразуры ничем не прикрытых окон. Вот что он не купил, так это шторы! Совсем не подумал о них. Но надо что-то придумать. Да и с постелью тоже. В первый раз, в порыве страсти, – ладно, но сейчас? Сейчас к ее приходу надо подготовиться. Только вот где взять подушки и простыни с одеялом? А ведь они должны где-то быть? Хотя... после того, как из хаты вытащили даже старый кухонный шкаф, храниться белью просто негде! Да, проблема...

Николай не знал, что делать. Когда он собрался хотя бы окно в спальне закрыть старым латаным одеялом, в дверь постучали. Кого это еще несет? Оля должна подойти позже и со двора, с Соболевыми он простился, других в гости не ждал. Есипов направился в сени. Отбросив крючок, открыл дверь, выходящую на крыльцо. И увидел Марину с кипой белья и еще какой-то материи в руках. Рядом у ступенек стоял Владимир. Тот удерживал под мышками две большие подушки.

Увидев друзей, Николай непроизвольно произнес:

– Вы?

Ответила Марина:

– Да, мы! Подумали, а на чем в своем доме будет спать наш Николай? Вот и решили снабдить тебя всем необходимым. Ну, чего смотришь? Веди в хату, я быстро все сделаю. А то вы, мужики, постель нормально заправить не можете!

Николай возразил:

– Вот это ты зря! В армии...

Марина бросила на него укоризненный взгляд:

– Мы так и будем на крыльце твоём торчать? Белье, между прочим, не легкое.

– Ой, Марин, извини, давай я возьму!

– Ты в дом иди, и не мешайся!

Николай пропустил чету Соболевых в дом.

Проходя мимо, Владимир указал взглядом на жену, затем подмигнул другу, сказав:

– Вот так-то, майор!

Супруга Владимира в первую очередь вывесила на окнах тюль и очень красивые шторы, придав жилищу вполне домашний вид. Затем заправила кровать голубыми простынями, надев на подушки наволочки, такие же голубые с мелкими, еле заметными цветами. Оглядела результаты труда своего:

– Вот теперь порядок! Можно и даму сердца приглашать. А то чем прикрылись бы? Твоей курткой, под головы скатав штаны? И молчал, когда за столом сидели! Спросить не мог, или мы тебе с Ольгой чужие?

Николай замялся:

– Да я как-то не подумал...

Владимир поднял указательный палец правой руки вверх:

– Во-во! А все почему? Потому, что в голове любовь сплошная.

Он поводит пальцем перед своим лицом:

– А на вещи, майор, надо всегда смотреть трезво.

Марина взглянула на мужа:

– Ты чего несешь-то? Сам понимаешь, что говоришь?

– Я все понимаю! А говорю – любовь превыше всего. Остальное – фуфло! Вот так!

Супруга капитана вздохнула:

– Все ясно! Но непонятно. Пил наравне со всеми, а опьянел, будто еще втайне бутылку выжрал. А ну, признавайся, была заначка?

Лицо Владимира расплылось в хитрой и довольной улыбке:

– Конечно, была!

– Поросенок ты, Вова!

– Нет! Я преду... предусмотрительный! Больше полулитра ты бы не выставила? Не выставила. А что такое бутылка на троих? Так, одни страдания, вот и значил пузырек. А пил один, потому как Кольке нельзя, у него любовь, тебе, Марина, тоже нельзя. Тебе еще меня ублажать, а значит, как и Кольке, нельзя. Вот я один и уговорил пузырек! И хорошо! Причем всем!

Марина обернулась к Николаю:

– Ты только погляди на него? Что творит, а? А ну пошли домой, я тебя ублажу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.